

Кейт Коскарелли

Абсолютный порядок

Кейт Коскарелли

Абсолютный порядок

1985

Коскарелли К.

Абсолютный порядок / К. Коскарелли — 1985

В тот самый миг, когда Дэн Холлидей, вернувшись домой, обнаружил, что его обожаемая жена Кейк исчезла, он понял – что-то случилось. Но мог ли он вообразить, что привычный счастливый мир грозит вот-вот рухнуть, что Кейк волею случая оказалась втянутой в политическую интригу? События развиваются стремительно и угрожающе, и вскоре Кейк уже приходится бороться за собственную жизнь...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	14
Глава 6	15
Глава 7	19
Глава 8	22
Глава 9	24
Глава 10	27
Глава 11	29
Глава 12	36
Глава 13	39
Глава 14	43
Глава 15	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Кейт Коскарелли

Абсолютный порядок

Глава 1

ПОЧТИ АБСОЛЮТНЫЙ ПОРЯДОК

Быстрым привычным движением Кейк Холлидей свернула последнюю розовую салфетку в виде цветка каллы, воткнула ее в большую хрустальную вазу и, отступив, удовлетворенно взглянула на результаты своей работы. Серые льняные скатерти на столах, посуда из китайского фарфора с розовой окантовкой и живые тигровые лилии – все выглядело великолепно.

«Вдохновенная композиция», – подумала Кейк.

Когда доставшиеся ей от деда часы пробили шесть, ее лицо выразило панический страх.

– О Боже!.. Как поздно! – воскликнула она. – Куда же запропастилась кухарка? Мэри обычно не опаздывала. Дэн скоро вернется домой, а к его приходу все должно быть готово.

Да и самой Кейк пора привести себя в порядок, но если она пойдет в душ, то не услышит звонка Мэри и не сможет впустить ее в дом. Проклятие! Нужно пошевеливаться. Кейк поспешила на кухню, написала: «Мэри, входите. Дверь не заперта. Я в душе», – прикрепила записку к парадной двери и бросилась наверх.

Час спустя Дэн Холлидей, высокий, атлетически сложенный мужчина с каштановыми, чуть тронутыми сединой волосами, квадратным подбородком и осуждающим взглядом больших темных глаз, приехал домой. На кухне сустились две женщины среднего возраста в одинаковых черных платьях и белых фартуках с оборками.

– Мэри... Грета... гм... пахнет чем-то вкусным.

– Добрый вечер, мистер Холлидей. Ваша супруга наверху, одевается.

– Хорошо. Мне тоже нужно переодеться. Гости будут около половины восьмого. Буфетчик еще здесь?

– Да, мистер Холлидей, он пошел покурить. Просмотрев на столике в холле почту, Дэн поднялся по лестнице.

В спальне на кровати он увидел голубое платье, купленное им в прошлом году у Джорджио ко дню рождения жены, и почему-то встревожился. Боже, да она еще не оделась! И что за привычка вечно опаздывать?

– Кейк, – громко сказал Дэн, – я вернулся. Ответа не последовало. Не услышав и шума воды, Дэн стремительно вошел в огромную, роскошную ванную, но жены не оказалось и там. В замешательстве заглянув во все комнаты, но не найдя Кейк, Дэн спустился на кухню.

– Мэри, Кейк наверху нет. Вы не знаете, где она?

– Нет, сэр, я ее не видела, – удивилась Мэри. – Она оставила для нас эту записку на парадной двери.

Прочитав записку, Дэн почувствовал страх. «Боже, какая глупость! Ведь в дом мог войти кто угодно!» Он бросился во двор.

– Может, она побежала за чем-нибудь в магазин, – крикнула ему вслед Мэри.

– Не думаю, – ответил Дэн, – ее машина стоит в гараже. Кейк, вероятно, у Конвеев.

Он стремительно направился к гаражу. «Черт ее побери! Нашла время возиться со своей проклятой картиной». Света здесь не было, но Дэн все же открыл дверь и включил лампу в маленькой комнате, куда изгонял жену, не перенося запаха скипидара. Быстро осмотрев поме-

щение, он понял, что Кейк нет и здесь. Направляясь к дому, Дэн вдруг с удивлением понял, что жена почему-то убрала свою студию. Это произошло впервые.

В кабинете Дэн взял со стола жены телефонную книгу и позвонил ее лучшей подруге Джойс, но ему никто не ответил. С растущей тревогой он набрал номер соседей, с которыми Кейк часто встречалась. Но сегодня никто не видел ее.

Дэн взглянул на часы. Почти половина восьмого. Если она не вернется к приходу гостей, придется позвонить в полицию. Кейк никогда не покинула бы дом – тем более в такой ситуации. Она любила принимать друзей.

А что, если кто-то вошел в дом – ведь дверь осталась незапертой – и... Нет, Дэн не желал и думать об этом. Он поднялся в спальню и снова осмотрел ее. Все в порядке... пожалуй, даже в необычном порядке. Дэн открыл шкаф, где хранилась одежда жены. Все висело аккуратно. Туфли ровными рядами стояли на полу. Странно. Кейк не отличалась такой аккуратностью. Дэн вытащил ящики: все уложено идеально. Где же привычный ворох бюстгальтеров и трусиков Кейк? Педантичный Дэн уже не надеялся приучить к порядку жену. Бог свидетель, она старалась, но это было ей недоступно.

Дэн сел на кровать и закрыл лицо руками. Неужели Кейк ушла от него, убрав перед этим ящики и шкафы? Нет, это невозможно. Она была счастлива в браке... Пожалуй, даже счастливее, чем он. Кейк не имела причин уходить... и уж тем более так. Очевидно, кто-то силой увел ее из дома. Она никогда не ушла бы по своей воле...

Глава 2

ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ВМЕШИВАЙСЯ

В усыпальнице было холодно. Ванесса взглянула на часы. Почти пять. Скоро усыпальницу закроют, но это не важно. С тех пор как неделю назад ее отца положили в один из склепов в Монингсайте, она не раз приходила сюда и проводила здесь по несколько часов, бродя по мраморным коридорам. Ванесса чувствовала себя здесь, в усыпальнице, безопаснее, чем в своем доме, тоже похожем на огромный мавзолей. Сегодня вечером она решила остаться здесь, если удастся спрятаться от зрителя. «Это, наверное, нетрудно», – подумала Ванесса. Едва ли кто-то станет проверять помещение. Почти все люди по глупости боятся мертвецов, но Ванесса знала, что живые гораздо опаснее.

Вдруг свет погас. Убедившись, что осталась одна, Ванесса тихо направилась на первый этаж к женскому туалету. Мягкое ковровое покрытие заглушало звуки шагов. Поскольку в туалете не было окон, она включила свет, чтобы сэкономить батарейки своего крошечного фонарика. Вскоре послышалось звяканье ключей. Служитель запер двери и звуки эхом разнеслись по мраморным коридорам. Ванесса надеялась сбить со следа того, кто преследовал ее уже несколько дней. Вероятно, он решит, что потерял ее в толпе скорбящих, которые вышли из часовни. Если этот тип обратится к ее шоферу, то узнает, что она попросила не возвращаться за ней, поскольку ее подвезет подруга. Ванесса не сомневалась: ему и в голову не придет, что она осталась в усыпальнице на ночь, да еще и одна. Вероятно, он уже обыскал все вокруг, но это не существенно. Утром она выйдет отсюда в ином обличье.

А сейчас нельзя терять времени. Бросив сумочку и пальто на большое кресло, Ванесса направилась в часовню, освещая себе путь фонариком. Последнюю неделю она каждый день приходила сюда – якобы посетить могилу отца. На самом деле Ванесса приносила с собой необходимые вещи и прятала их в укромных уголках за частными нишами. Сейчас она отыскала все свои небольшие свертки. Ее беспокоило, как бы кто-то из персонала не нашел их, но, очевидно, здесь работали не более добросовестные люди, чем в любом другом месте.

Вернувшись в туалет, Ванесса выложила содержимое свертков на маленький диванчик и проверила, все ли на месте.

Она принесла сюда свитер, юбку, туфли и новую сумочку. Пальто у нее двустороннее. Отлично! Она выйдет отсюда в одежде, совсем иной, чем та, в которой пришла несколько часов назад. Теперь нужно что-то сделать с прической.

Ванесса решила обрезать до плеч свои длинные темные вьющиеся волосы, обычно зачесанные назад и закрепленные ободком, и, не колеблясь, взяла в руки ножницы. Ничего, приехав в Нью-Йорк, она сделает приличную прическу. Ее волосы всегда хорошо выглядят, да и Майку нравилось, когда у них был естественный вид.

Закончив работу, Ванесса раскрыла пакет для мусора и бросила туда отрезанные локоны. Затем, внимательно прочитав инструкцию, развела в стаканчике краску и нанесла ее на волосы. Будет ли она привлекательнее, став блондинкой? Ванесса не сомневалась: игра стоит свеч.

Чтобы скоротать время, она достала ленч, положенный в сумочку утром: два пакета с ананасовым соком, сэндвич с ветчиной и яблоко. Неизвестно, когда ей удастся еще раз перекусить. Жаль, что она не прихватила хоть маленькую бутылочку вина.

Зато Ванесса взяла с собой последний номер «Таймс» и новый бестселлер, посвященный женщинам, умеющим держать под контролем собственную жизнь. Может, ей удастся что-нибудь почерпнуть из него?

Листая журнал, она никак не могла сосредоточиться, пока не увидела фотографию сенатора Реда О'Ши. «Интересный и ироничный, – подумала Ванесса, – но в общем-то довольно обычный». Сенатор, похожий на кинозвезду, словно магнит, притягивал журналистов. Да, надо признать, он довольно привлекателен. Очень напоминает Кеннеди. Тоже ирландец. Интересно, обладает ли сенатор такой же мужской энергией, какой, по слухам, отличался Кеннеди? Она была бы не прочь встретиться с ним. Вчитываясь в статью о сенаторе, Ванесса старалась как можно лучше запомнить ее, ибо считала это важным.

Через полчаса она намочила бумажную салфетку и стерла краску с пряди волос, чтобы проверить цвет. Боже милостивый, да они стали ярко-оранжевыми! Ладно, надо надеяться, что волосы посветлеют. Как все-таки глупы женщины, подвергающие себя столь мучительным процедурам, чтобы лучше выглядеть... или думать, будто это так.

Внезапно ощутив в этой маленькой комнате приступ клаустрофобии, Ванесса решила пройтись по усыпальнице. Несмотря на темноту, она уже превосходно ориентировалась. Включив фонарик, Ванесса направилась к склепу отца.

Проведя пальцами по бронзовой табличке с его именем, она прошептала:

– Вероятно, это мой последний визит, Майк. Знаю, ты не одобрил бы моих намерений... Будь ты жив, у меня не хватило бы на это смелости. Несомненно. Я оставалась с тобой до конца, несмотря на все, что ты сделал со мной. Но теперь я не могу ждать. Если ад существует, ты уже там, но у меня нет желания присоединиться к тебе. Я делаю последнюю попытку спасти свою бессмертную душу. Слышишь, Майк? Я знаю, ты хотел владеть моей душой и моими чувствами. Даже моей жизни тебе не хватало. Тебе всего было мало. Я изо всех сил старалась угодить тебе, но это мне никогда не удавалось. Смешно, но и взбунтовавшись, я стремилась ранить себя, а не тебя.

Ванесса умолкла и на мгновение прижала ладонь к глазам.

– Почему я любила тебя? Наверное, потому, что ты единственный, кто был в моей жизни... А мне ведь нужно кого-то любить, не так ли? Человек не может жить, никого не любя. Если ты слышишь, Майк, прошу тебя об одном: пожалуйста, не вмешивайся. Позволь мне получить то, что я хочу.

Ванесса медленно направилась по темным коридорам в туалет и полчаса спустя еще раз проверила цвет волос. Они пока не слишком посветлели. Ну что ж, торопиться некуда. Впереди целая ночь.

Глава 3

БЕЗ ПРИНУЖДЕНИЯ

В дверь позвонили, и Дэн бросился открывать, надеясь, что жена вернулась из какого-нибудь дурацкого, бессмысленного похода. Но, увы! На пороге стояли две первые четы из двадцати приглашенных. У Дэна не повернулся язык сказать им правду. Его сочтут идиотом, когда объявится Кейк.

– Салли... Джордж, рад вас видеть. Входите. Привет, Брет... Надин, ты чудесно выглядишь. – Дэн пожал руки мужчинам, поцеловал дам и проводил всех в гостиную. – Располагайтесь, чувствуйте себя как дома. Я вернусь через несколько минут. Остальные скоро будут.

– Ступай, Дэн. Мы сами о себе позаботимся. Но я очень хочу видеть твою жену, – любезно сказал Брет, президент нового общества, занимающегося постройкой ипподромов в округе Риверсайд.

Он доверил фирме Дэна выполнение инженерных работ, но контракты еще не были подписаны. Чувствуя себя неловко и опасаясь, как бы Брет не заметил исчезновения Кейк, Дэн улыбнулся и вышел из комнаты.

– Мэри, первые гости пришли. Позаботьтесь о них, пожалуйста, и впустите остальных, а я поднимусь в спальню и позвоню в полицию.

– В полицию? – с тревогой переспросила Мэри.

– Мне не удалось найти никого, кто видел Кейк. Только не говорите об этом гостям.

Дэн взбежал наверх, смутно надеясь увидеть жену в спальне. Ведь бывает же, что потерянный ключ находят на том самом столе, который уже сто раз осмотрел.

Увы, Кейк не было. Он снял трубку, набрал номер полиции и попросил кого-нибудь прислать.

– В чем дело? – спросили его.

– Пропала моя жена.

– Давно?

– Не знаю... примерно час назад. – Боже, как глупо звучат его слова!

– Час назад? Простите, сэр, но мы считаем взрослых пропавшими только по истечении сорока восьми часов. Если, конечно, у вас нет особых причин для подозрений.

Дэн вновь обратил внимание на непривычный порядок в комнате.

– Да, кое-что есть. Пожалуйста, пришлите кого-нибудь.

Продиктовав адрес, он положил трубку, упал в кресло и закрыл лицо руками. Потом подошел к зеркалу, посмотрел на свое осунувшееся лицо и подумал: «Откуда у меня такие мрачные мысли? Почему я отказываюсь верить, что Кейк ушла из дома по собственной воле, но готов вообразить, будто ее утащил убийца или насильник?»

Сидя в спальне, он слышал, как приезжают гости, но не выходил, пока не прибыли полицейские. Когда два молодых полисмена вошли в дом, на пороге гостиной появился Джордж, служащий фирмы Дэна, и, увидев представителей закона, заметно встревожился.

– Дэн, что-то случилось?

– Ничего серьезного. Уверен, все скоро выяснится. Не говори никому, пожалуйста. Я скоро присоединюсь к вам и все объясню. Сейчас мне нужно побеседовать с полицейскими. – Дэн обратился к кухарке: – Мэри, если обед готов, обслужите гостей. Я буду в кабинете.

Он жестом пригласил полицейских следовать за собой и, плотно закрыв дверь кабинета, быстро объяснил им ситуацию и показал записку Кейк. Полицейские выслушали его рассказ, делая пометки в блокнотах, а когда Дэн закончил, один из них спросил:

- Вы не ссорились с женой?
- Конечно, нет! – с негодованием воскликнул Дэн. – Думаете, в этом случае я вызвал бы вас?
- Простите, но такой вопрос неизбежен. У вас есть дети?
- Двое, но сын в университете в Орегоне, а дочь изучает живопись в Сорбонне.
- Они давно не живут дома?
- Роб на первом курсе, а Трина уехала во Францию три месяца назад.
- Вы с кем-нибудь из них разговаривали?
- Нет, я не хотел бы их тревожить.
- Мы можем осмотреть дом внутри и снаружи, мистер Холлидей?
- Разумеется, – ответил Дэн, надеясь, что полицейские начали воспринимать его всерьез. Закончив осмотр, один из полицейских сказал:
- Мистер Холлидей, думаю, нужно расспросить ваших соседей, может, они заметили кого-нибудь возле дома или видели, как уходила ваша жена.
- Я уже сделал это, – взволнованно сообщил Дэн.
- Знаю, с этим трудно смириться, но, по-моему, она покинула дом без принуждения. Пожалуй, вам стоит потолковать с ее подругами и друзьями. С вами они будут откровеннее, чем с полицейскими.
- Незачем, – раздраженно ответил Дэн.
- Простите, но больше мы ничем не можем помочь. Держите с нами связь. Мы начнем расследование.
- Дэн закрыл дверь за полицейскими. Теперь придется идти к гостям. Но что, черт побери, сказать им?

Глава 4

ЭТО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ТЫ?

Триш Делани проснулась в десять утра и несколько минут пыталась сообразить, где находится. Боже, что она делает в Нью-Йорке, в этом крошечном гостиничном номере? Вчера вечером комната показалась не такой уж плохой, но сейчас солнечный свет, пробивавшийся сквозь тонкие занавески, высветил все мерзкие детали обстановки. «Номер маленький, но уютный», – было напечатано в проспекте. Размер комнаты соответствовал истине.

Потянувшись, Триш подумала о предстоящем дне, затем взглянула на телефонный аппарат. Пора сделать этот звонок. Но нужно ли звонить сейчас... преодолеть... выяснить все – к худшему это или к лучшему? Может, стоит отложить разговор на завтра, дать себе возможность успокоиться? Нет. Она должна сделать это немедленно. Завтра легче не будет.

Триш встала с кровати, достала из сумочки клочок бумаги и набрала записанный на нем номер. Ей сразу же ответили:

– Офис сенатора О’Ши. Чем могу вам помочь?

– Это Триш Делани, давняя приятельница сенатора. Он у себя?

– К сожалению, его нет. Если вы оставите свой номер, я прослежу, чтобы секретарь сенатора получил ваше сообщение.

– Я хотела бы поговорить с ней сама, если можно.

Через несколько секунд в трубке послышался низкий мужской голос. Сердце Триш дрогнуло. Неужели секретарша по ошибке соединила ее с самим Редом?

– Ред? – прошептала Триш.

– Нет, это его секретарь. Чем могу служить?

– О... Я давняя знакомая сенатора. Он сейчас здесь или в Вашингтоне?

– Думаю, в Нью-Йорке, хотя неуверен. Сегодня я еще не разговаривал с ним. Оставьте ваше имя и номер?

Триш назвала свое имя, номер телефона и вернулась в постель ждать ответного звонка Реда. Он должен непременно позвонить. Не мог же Ред забыть ее, если она вспоминала его так часто... так живо.

Думая о тех годах, когда они с Редом были самой популярной парой в школе Фарраго в Дейтоне, Огайо, Триш превращалась в комок нервов.

Тогда она возглавляла группу поддержки, а Ред О’Ши был футбольной звездой. Какие славные это были дни! Не притворяйся она тогда такой недотрогой, те дни казались бы сейчас еще более приятными. Кто-то сказал, что люди всегда жалеют об упущенном.

– Это уж точно, – злобно пробормотала Триш, уткнувшись в подушку.

Мысли ее путались, и она снова начала засыпать, когда раздался телефонный звонок. Триш схватила трубку и ужасно испугалась, услышав такой знакомый – отчасти из-за магии телевидения – голос. А ведь прошло так много лет!

– Делани, ради Господа, это действительно ты?

– Ред, так приятно слышать, как ты произносишь мое имя.

«Никто не называл меня Делани со времени нашей последней встречи». Сердце Триш бешено колотилось.

– Судя по голосу, у тебя все в порядке. Чем ты занималась последние двадцать лет?

– О, самые обычные дела. Боюсь, ничего интересного в отличие от тебя.

– Ты еще замужем?

– Нет, – ответила она слишком поспешно. – Я надеялась встретиться с тобой, решив, что было бы забавно поболтать о прежних деньках.

– С удовольствием, Делани. Долго ли ты пробудешь в городе?

Ей показалось, или его тон стал чуть сдержаннее?

– Не знаю точно. Это зависит от обстоятельств. Может, несколько дней.

– Слушай, сегодня вечером я занят, но что ты скажешь насчет ленча завтра?

– Это было бы превосходно! Где?

– «Времена года»... в час, хорошо?

– Приду. А ты узнаешь меня без моих помпонов?

– Делани, я не мог забыть тебя... и твои проклятые помпоны.

Триш положила трубку трясущимися от волнения и радости руками. Ред помнил о ней! Хотел снова с ней встретиться! Не на обеде, конечно, – он был слишком умен, чтобы отдавать весь вечер женщине, которая могла здорово постареть и потолстеть. Триш соскочила с кровати и подбежала к зеркалу. Боже, неужели она покажется ему старой? Ведь он помнил ее семнадцатилетней девушкой!

Она схватила телефонную книгу – тратить время больше нельзя – и нашла номер салона мистера Кеннета. Сколько она ни умоляла, ни льстила, записаться на прием раньше чем через две недели ей не удалось. Проклятие, почему она не продумала все это заранее?

Позвонив в салон Элизабет Арден, Триш сказала с легким техасским акцентом:

– Алло, это секретарь миссис Делани. Мы только что прибыли из Далласа. Миссис Делани необходимо посетить вас сегодня днем. Стилист и макияж. Уверена, она также захочет сделать педикюр, маникюр и, если можно, чистку лица. К какому времени ей подъехать?

После короткой паузы послышался ответ: – Передайте миссис Делани, что мы примем ее в час. – Могу я узнать номер телефона, чтобы связаться с ней в случае необходимости?

Триш назвала свой номер в надежде, что девушка не станет проверять и не обнаружит, в каком клоповнике остановилась клиентка. Итак, пора действовать. А сейчас необходимо перекусить и посетить магазин Сакса или Бергдорфа.

Утро выдалось яркое и ясное. Чтобы размяться, Триш прошла пешком от отеля до Вест-Сайда, мимо Карнеги-холла к бистро на Ист-Сайде. Она заказала легкий завтрак из вареных яиц и бокала сока, но, увидев высокий взбитый кофейный кекс с изюмом, махнула рукой на калории и съела порцию. Покончив с завтраком, Триш вернулась на Пятую авеню за покупками у Сакса, решив не тратить слишком много на наряд для завтрашнего дня, поскольку ее могли пригласить на вторую встречу, на обед, и тогда она оказалась бы на мели.

Триш прошла по магазину, надеясь на вдохновение, но и не забывая о времени. Вдруг она увидела то, что ей нужно. Наплевать на цену, Ред О'Ши должен увидеть ее завтра именно в этом! Это был костюм приглушенного серо-зеленого цвета из превосходной шерсти от Анни Кляйн: плиссированная, доходящая до икр юбка, великолепный жакет с одним огромным лацканом и гармонирующая со всем этим шелковая блузка с высоким воротником, складками и кружевами. Триш искала наряд и нашла именно то, что нужно. В ее больших миндалевидных глазах вспыхнул зеленый огонек. В костюме она стала высокой и стройной, и продавцы утверждали, что Триш выглядит потрясающе.

Стараясь не думать о цене, она заплатила за покупку и поспешила в обувной магазин. Там ничего подходящего к костюму не нашлось, а времени на дальнейшие поиски почти не осталось. Ладно, ближе к вечеру или завтра утром ей удастся решить эту проблему.

Со свертками в руках Триш направилась к салону вверх по Пятой авеню. Взмолвленная, она смешалась с толпой, но шла медленно, наслаждаясь своими ощущениями и осматривая роскошные витрины. «Какой восхитительный сегодня выдался день», – с удовлетворением подумала Триш, чувствуя себя настоящей авантюристкой.

В салоне Элизабет Арден она переделалась в халатик и прошла в маленький кабинет, где ее встретила привлекательная молодая женщина.

– Миссис Делани? Я Норин, ваш стилист. Пожалуйста, садитесь в кресло. Сейчас посмотрим. У вас есть какие-нибудь пожелания насчет прически?

– Нет. Мне просто хотелось бы выглядеть моложе... лет на двадцать, если вы в силах это сделать. – Триш рассмеялась.

– Хорошо. Прежде всего, думаю, нам нужно осветлить волосы. Не все, конечно, а в нескольких наиболее заметных местах, чтобы смешать седые прядки с вашими естественными светлыми прядями. Согласны?

– Решайте сами.

Норин провела пальцами по волосам Триш, приподняла и отделила несколько прядей.

– Потом, полагаю, мы укоротим их с боков и сверху, чтобы открыть лицо. А сзади оставим достаточную длину, чтобы придать прическе завершенность.

– Поступайте, как считаете нужным, – пробормотала Триш. – Только сделайте меня красивой.

Глава 5

ЯРКАЯ БЛОНДИНКА

Ванесса спала на маленьком диванчике в женском туалете усыпальницы Монингсайд, и спала плохо. Здесь было ужасно холодно, диванчик оказался слишком коротким, а бигуди раздражали.

Ванесса взглянула на часы. Почти шесть. Пора уходить. Она быстро сняла бигуди и расчесала волосы. Они выглядели лучше, чем можно было ожидать, и отливали бронзой. К этому и стремилась Ванесса, ибо ее новый облик разительно отличался от прежнего – элегантного и мягкого. Немного поколебавшись, она начала наносить на лицо косметику, стараясь еще сильнее изменить свой облик.

Щеки ее запылали от румян. На веки легли темные тени. Теперь лицо выглядело довольно странно, но, обведя глаза темно-коричневым карандашом и наложив на ресницы тушь, она добилась эффектности. Ванесса припудрила свои густые темные брови, чтобы смягчить контраст между ними и волосами, и поняла: ее усилия не пропали даром. Никто не узнает в этой яркой блондинке сорокалетнюю богатую даму, проскользнувшую сюда вчера вечером.

Однако придется изменить и цвет глаз. Ванесса заменила свои контактные линзы новыми, с зеленоватым оттенком. Ее темно-карие глаза вдруг стали ореховыми. Незначительное отличие, но, как она надеялась, достаточное.

Ванесса надела новый, более плотный бюстгальтер, свитер из ангорской шерсти и шерстяную плиссированную юбку. Теперь она казалась гораздо полнее. Ванесса сменила туфли от Феррагамо на средних каблуках на туфли на шпильках от Чарльза Джордана. Дома она походила в них, поэтому сейчас они не причиняли неудобств. Более того, в этой обуви было легче покачивать бедрами, чем в любой другой.

Время бежало неудержимо быстро. Ванесса поспешно переложила вещи из старой сумочки в новую, собрала снятую одежду, краску, бигуди, туфли и запихнула все в пакет для мусора. Убедившись, что в комнате не осталось следов ее пребывания, она вывернула наизнанку пальто и надела его. Апельсиновый шарф дополнил наряд. Взяв пакет для мусора и сумочку, Ванесса направилась к крематорию.

Идти пришлось на цыпочках: иначе стук каблуков эхом разносился по коридорам. Хотя было еще рано, Ванесса боялась, что кто-нибудь из служителей уже пришел на работу. Проходя через часовню, она заметила, как посветлело небо, ускорила шаг, достала фонарик, нашла кнопку, открывающую раздвижную дверь, и нажала ее. Резная дубовая панель бесшумно скользнула в сторону. Ванесса поспешила в крематорий, подошла к печи, открыла тяжелую металлическую дверцу и быстро сунула внутрь пакет для мусора. Покидая зал, она тщательно вытерла ноги, чтобы пепел не оставил следов на ковровом покрытии.

Все получилось вполне сносно. Теперь осталось лишь дожждаться, когда служители откроют двери. Первая процессия прибудет сюда к десяти тридцати, и Ванесса затеряется среди скорбящих.

Глава 6

ЕЕ НОВОЕ «Я»

Направляясь вверх по Пятой авеню, Триш разглядывала свое отражение в витринах магазинов. Выглядела она превосходно. Эта Норин великолепный мастер. Осветленные волосы тоже украсили ее. Триш чувствовала себя гораздо моложе, особенно благодаря отличному макияжу, и надеялась, что запомнила, как его делать.

Внезапно Триш заметила в витрине Гуччи мягкие серые высокие – до икр – ботинки. Они великолепно подошли бы к ее новому костюму, решила она и открыла дверь магазина.

Через полчаса с костюмом, ботинками и сумочкой в руках она пыталась остановить такси. В час пик это казалось безнадежным. Отель, где остановилась Триш, находился не так уж далеко, но она устала и не хотела идти пешком.

А вот «Плаза» совсем рядом. Почему бы и нет? Она зайдет в Палм-Корт, слегка перекусит, выпьет бокал вина, а затем попросит швейцара вызвать для нее такси.

Войдя в небольшое, украшенное картинами кафе старого отеля, Триш обнаружила, что примерно половину обитателей Нью-Йорка посетила такая же мысль. У нее не было ни малейшего желания отстоять очередь с тяжелыми сумками в руках только для того, чтобы попить. Может, лучше заскочить в «Оук-бар»? Вспомнив, что там темно, прохладно, уютно и, вероятно, не так многолюдно, Триш направилась туда.

В зале, отделанном деревянными панелями, сидели в основном мужчины в костюмах-тройках. В воздухе плавали облачка дыма. Добравшись до маленького столика, Триш рухнула в кресло. Боже, как хорошо бросить все покупки и расслабиться!

Она сделала заказ, и через несколько минут ей принесли бокал белого вина. Пригубив его, Триш огляделась. Женщин здесь было немного, и все они оживленно разговаривали. Кроме нее, никто не пил вино в одиночестве. Триш вдруг почувствовала себя неуютно. И зачем она сюда пришла? Тратит деньги, пьет? Но ее второе, новое «я» отвергло этот вопрос. А почему бы ей, черт побери, не посидеть здесь, если она, свободный человек, этого хочет? «Нет, я ни перед кем не обязана отчитываться», – успокоила себя Триш.

Между тем мужчина, сидевший в компании за соседним столиком, поднялся и направился к ней.

Высокий, стройный, с прекрасной осанкой, седыми волосами и усами, со слишком загорелым для жителя Нью-Йорка лицом, он выглядел очень привлекательным для своих лет. А ему, по мнению Триш, было около шестидесяти.

– Как поживаете? – учтиво спросил незнакомец. – Не возражаете, если я присяду рядом с вами? Затем столом все курят, у меня уже слезятся глаза.

Триш понимала его: в барах права некурящих не соблюдались.

– Конечно, – ответила она. – Воздух здесь и впрямь тяжелый.

Мужчина сел, и Триш отметила его безупречно сшитый дорогой костюм – несомненно, от Сэвилла Роу – и великолепный золотой перстень.

– Меня зовут Ричард Теран. Буду рад, если позволите заказать вам бокал вина.

– Спасибо, не стоит. Я только что выпила. Боюсь, это для меня предел.

– Мудрая девушка. Официант, принесите мне, пожалуйста, еще виски и воды... Льда не нужно.

– Без льда? – удивилась Триш.

– Да, эту привычку я приобрел в Лондоне. А теперь назовите свое имя. Или хотите, чтобы я угадал?

Триш почувствовала себя заинтригованной. Мужчина был очаровательным, но, кажется, не опасным.

– Так какое имя вы для меня выбрали бы? – спросила Триш более игриво, чем намеревалась.

Мужчина улыбнулся, явно получая удовольствие от этой маленькой игры.

– Гм, посмотрим. Это имя должно звучать достойно... Знаете, вы очень благородны.

Триш изумилась. Никто еще не называл ее благородной. «Странно. Неужели новая прическа так изменила меня?»

– В лучшем смысле слова, – продолжал он. – Вы поразили меня... Вы настоящая леди. Полагаю, вы нежны, умны и очень доброжелательны.

Триш улыбнулась.

– Все это очень мило, но вы так и не назвали предполагаемого имени.

– Джессика... верно?

– Джессика? Звучит чудесно, но нет. Меня зовут Триш... Триш Делани.

– И откуда вы, Триш... Триш Делани? – В его глазах замерцал веселый огонек.

– Пожалуй, из... ниоткуда.

– Гм, я хорошо знаю это место. Сам бывал там много раз.

– Вы живете в Нью-Йорке? – спросила она.

– Боже, конечно, нет. Я из Лос-Анджелеса.

Триш смутилась. Как странно, что она встретила в Нью-Йорке человека из своего родного города. Ну и ладно. Лос-Анджелес – большой город.

– Что привело вас сюда? – любопытствовала она.

Теран уныло улыбнулся.

– Бизнес, проклятый бизнес.

– Понимаю.

Потеряв к нему интерес, Триш сделала глоток вина и решила уйти. С самого утра она ничего не ела, и вино немного опьянило ее. Триш поискала в сумочке кошелек, чтобы оплатить счет, но Теран слегка коснулся ее руки.

– Не нужно, пожалуйста... позвольте мне. Я был счастлив поговорить несколько минут с такой милой леди. Вы остановились в этом отеле?

Триш покачала головой.

– Нет. И я предпочла бы оплатить свой счет сама. Мне тоже было приятно побеседовать с вами.

– Не смею надеяться, что вы согласитесь пообедать со мной. Что скажете? Столовая здесь, в отеле. Готовят неплохо, прекрасный вид на Пятую авеню, на коляски, запряженные лошадьми.

Триш колебалась. Хотя предложение соблазняло ее, такое знакомство в баре казалось ей несколько авантюрным.

– Послушайте, Триш. Это всего лишь обед, обещаю вам. Я не стану задерживать такую милую леди. Напротив, прослежу, чтобы вас посадили в такси и доставили в целости и сохранности... в никуда.

Триш смягчилась. Почему бы и нет? Чем ей это угрожает? Из-за чего тревожиться?

– Хорошо, но можно ли пообедать поскорее?

Я устала и должна пораньше лечь спать. Завтра у меня важная встреча.

Вечер получился тихий и приятный. Кабинет был обставлен в стиле эпохи короля Эдуарда. Ричард рассказывал бесчисленные истории о знаменитых людях, которых знал лично, и очаровал Триш. Он оказался остроумным, светским, умным человеком с изысканными манерами. Она сидела у окна, выходящего на Пятую авеню, и во время нечастых пауз в беседе смотрела на людей, спешащих куда-то в этот холодный вечер, на огни города, придающие всему

вокруг волнующий оттенок. Маленький оркестр играл романтическую танцевальную музыку, которую сын Триш называл «лифтинговой», но она ей нравилась. Боже, как она любила Нью-Йорк!

– Подозреваю, что вы не хотите рассказывать о себе. А может, поделитесь со мной своими мечтами? Не говорите, что их у вас нет. У каждого из нас есть мечта. – Глаза Ричарда поблескивали, и, казалось, он был очень доволен собой.

– Мои мечты... Господи, да у меня их полно. Родители считали меня непрактичной из-за того, что я слишком много мечтала. Отец всегда говорил: если не сосредоточишься, жизнь пройдет мимо.

– Что это за мечты?

Триш игриво улыбнулась. Она чувствовала себя спокойной и слегка безрассудной.

– Расскажите мне о своих мечтах, а я расскажу вам о своих.

Ричард рассмеялся.

– Боже мой, вы слишком молоды, чтобы помнить эту старую песню.

– Чего вы хотите от жизни? Он пожал плечами.

– Не знаю. У меня уже есть успех и слава. Я выигрывал дела, считавшиеся безнадежными. Пожалуй, я хочу продолжать делать то, что делаю, поскольку это у меня хорошо получается. Мне не нужно более простой и легкой жизни. Я люблю риск.

Внезапно Триш все поняла и смутилась:

– Боже милостивый, так вы Ричард Теран, адвокат, выигравший тот нашумевший процесс... – Она замолчала, пытаясь вспомнить подробности.

– Против всего мира, – подсказал он.

– И еще вы защищаете преступников, верно?

– Я предпочитаю называть их «обвиняемыми». Теперь ваша очередь.

Быстро оценив то, что она обедала со знаменитостью, Триш не выказала особого удивления.

– Хорошо, Ричард, если вы обещаете не смеяться надо мной, признаюсь: моей мечтой всегда была живопись. Я хотела учиться в художественной школе, но родители считали, что уроки в школе секретарей – более практичное занятие. Все эти годы я рисовала, но никто ни разу не похвалил меня. Разве что мои дети. Но когда они выросли и поумнели, им тоже мои усилия стали казаться жалкими и бессмысленными. К счастью, моя дочь одарена талантом, о котором я только мечтала. Поэтому мне не на что жаловаться.

– Не переставайте мечтать, Триш, и никогда не маршируйте под бой чужих барабанов. А что вы сами думаете о своих работах?

Триш взяла свой бокал и смущенно улыбнулась.

– Я всегда считала свои работы неплохими. Он легко и ободряюще коснулся ее руки.

– Нет ничего важнее вашего мнения, дорогая. Великие художники работают только для собственного удовольствия. Запомните это. Заняться живописью никогда не поздно.

Триш старалась не есть много, но блюда были слишком вкусными.

После чашечки кофе она решила, что пора уходить.

– Ричард, это был восхитительный вечер. Не знаю, как благодарить вас, но мне нужно идти.

– Конечно, конечно. И, пожалуйста, не благодарите меня. С вашей стороны было очень любезно принять мое приглашение. Благодаря вам я ненадолго забыл, как отвратителен наш мир.

Ричард проводил Триш до выхода из отеля и кивнул подошедшему к ним шоферу. Тот быстро сел за руль длинного черного лимузина и подогнал его к двери.

Триш смутилась.

– О нет, Ричард. Я не могу позволить себе этого. Мне нужно обычное такси.

Он засмеялся.

– Не беспокойтесь. Эта машина – одно из преимуществ моей работы здесь, и сегодня вечером она мне не нужна. Сейчас я поднимусь к себе в номер и лягу спать. Шофер отвезет вас, куда вы ему скажете. Ваши свертки уже внутри. И не давайте ему никаких денег.

Ричард осторожно посадил Триш в роскошный автомобиль, молча махнул ей рукой и направился в отель.

Назвав шоферу адрес, Триш откинулась на спинку сиденья и осмотрела салон. Боже, он был не меньше ее номера в отеле и гораздо роскошнее. Она хотела бы уснуть прямо здесь.

Пока лимузин двигался в поредевшем к вечеру потоке машин, Триш думала, почему Ричард Теран обратил на нее внимание... и увидятся ли они когда-нибудь еще.

Глава 7

ТРАГИЧЕСКИЕ ОБЕРТОНЫ

На следующее утро Дэн проснулся в безмолвном, безжизненном доме и почувствовал себя невероятно одиноким. Всю свою семейную жизнь он жаловался, что шумят дети, их друзья и собака. Но непрерывно лающий старина Болдпейт благодаря усилиям ветеринара замолк навеки за месяц до того, как Роб и Трина уехали учиться. А теперь пропала Кейк. И Дэн чувствовал себя брошенным.

Бреясь и принимая душ, он старался не думать о вчерашнем ужасном вечере с мрачными обертонами и о том, как явно обрадовалась Селена, узнав об исчезновении его жены. Почему он так нервничал, разговаривая с Селеной по телефону перед тем, как лечь спать? Должно быть, боялся, что она захочет приехать и провести с ним ночь. Дэн полагал, что выразился достаточно ясно: исчезновение Кейк временное. По крайней мере, ему хотелось так думать.

Одевшись, Дэн вышел из дома и пересек улицу, решив зайти к Джойс, близкой подруге жены, и спросить, не знает ли она чего-нибудь о Кейк.

– Дэн! А я ждала Кейк, – удивилась Джойс. – С ней все в порядке?

– Не знаю, Джойс. Когда я вернулся вчера домой, Кейк куда-то исчезла. Не знаешь, где она может быть?

– Нет! Входи... входи.

Войдя в гостиную, Дэн сообщил Джойс некоторые подробности случившегося.

– Иисусе! – тихо воскликнула она.

– Что ты думаешь об этом, Джойс? Ты ее самая близкая подруга. Можешь мне что-нибудь объяснить?

– Хотелось бы надеяться, что она наконец поумнела и ушла от тебя, но это не в ее характере. Твоя глупая жена считает, черт побери, что ты – перл творения.

– Выбери, пожалуйста, выражения, Джойс.

– Извини. Не хочу огорчать тебя, Дэн, но, боюсь, мне не удастся ничем тебе помочь. Вчера я не видела Кейк. Несколько дней назад она сказала мне, что не сможет на этой неделе ни поиграть в теннис, ни пройтись по магазинам, потому что к приему гостей ей нужно привести в порядок дом. Последний раз я видела Кейк в пятницу в больнице. Выдался чертовски тяжелый день, потому что большая часть персонала слегла с гриппом и администрация положила на добровольцев. Кейк в педиатрическом отделении кормила детей, а я катала на колясках инвалидов. Мы с ней быстренько выпили по чашечке кофе. Выглядела она превосходно. Я даже не помню, о чем мы говорили. Наверное, ни о чем важном.

– Да, она действительно здорово поработала. Дом вычищен и приведен в полный порядок – даже ее шкафы и ящики с одеждой.

– Ты дурачишь меня? – изумилась Джойс.

– Нет. Но это ведь странно, правда?

– Конечно. Она всегда говорила: «Если шкафы в доме содержатся в порядке, значит, у жены помутился рассудок». Полагаю, Кейк и тебе говорила нечто подобное. – Джойс вдруг усмехнулась. – Проклятие! Держу пари, она тебя бросила!

– Спасибо на добром слове, – с сарказмом ответил Дэн.

– Прости, это, конечно, не слишком приятно, но все же лучше, чем если бы ее похитили. – Джойс почувствовала, что он колеблется. – Ты все-таки дерьмо. Твоя жена – одна из самых милых, нежных и верных женщин, которых я когда-либо знала. Если она наконец поумнела и

бросила тебя, это чудесно. Но Кейк так чертовски наивна и доверчива, что я тревожусь о ней, ибо теперь она окажется наедине с миром, полным дикарей и подонков.

– К твоему сведению, я тоже беспокоюсь о ней!

Дэн встал. К чему оставаться здесь и выслушивать оскорбления Джойс, не имевшей никакой полезной информации.

– Ладно, если что-нибудь вспомнишь, дай мне знать.

Он поехал в больницу повидать мать. Кейк навещала ее почти ежедневно, поэтому, возможно, мать что-то сообщит ему. По дороге Дэн подумал, что ему предстоит ужасный разговор с Робом и Триной. Неужели и они обвинят его, как Джойс?

Кейк теперь занимала все его мысли. Дэн попытался вспомнить, когда они последний раз занимались любовью, но не смог. Смешно! Занятия сексом стали для них чем-то обыденным – вроде утреннего кофе. Неужели Кейк, как и ему, секс уже не доставляет удовольствия? Такое предположение совсем испортило настроение Дэну, и он отогнал эту мысль.

Дэн приехал в больницу, где его мать находилась постоянно после последнего инсульта. Кейк хотела привезти ее домой, но мать привыкла к независимости и отказалась жить в доме с двумя шумными подростками. Однако все знали, что это только предлог. Она не хотела быть обузой для семьи, которую самозабвенно любила.

Дэн быстро прошел по коридору, стараясь не смотреть на несчастных, переживших себя людей. Нет, современная медицина продлевает не жизнь, а умирание.

Все здесь так угнетало, напоминая о смерти, что для Дэна было мукой приходить сюда.

Элизабет Холлидей сидела в постели. Перед ней на подносе стоял обед, к которому она едва притронулась.

Дэн остановился на пороге и смотрел на женщину, которая родила и вырастила его, своего единственного сына. Голова матери покоилась на подушке, глаза были закрыты. Дэн молча приблизился к ней. Боже мой, сколько она еще вот так протянет?

Дэн наклонился и осторожно прикоснулся губами ко лбу матери, почувствовав неизменный запах мочи. Эта когда-то красивая, холеная женщина не заслужила такого унижения.

Мать медленно открыла глаза, посмотрела на сына и не сразу сказала:

– Дэн... это ты?

– Да, мама. Как ты себя чувствуешь? На ее лице промелькнула улыбка.

– О, как и следует ожидать. А где Кейк?

Дэн колебался. Кейк много значила для Элизабет, возможно, даже больше, чем постоянно занятый сын.

– Не знаю, мама. А ты?

Глаза Элизабет открылись пошире, и она вдруг встревожилась:

– Что ты сказал, сынок? Кейк ушла от тебя? Дэн покачал головой.

– Вчера она не вернулась домой.

– Расскажи подробнее, – попросила мать, взглянув на сына с живым интересом.

Дэн коротко изложил ей подробности. Элизабет слушала внимательно, то и дело кивая головой. Когда Дэн закончил, она сказала:

– Ты прав, сынок. Она ушла от тебя, но, возможно, не навсегда.

– Откуда ты знаешь?

– Кейк не оставила записки... не сказала тебе, что все кончено. Она ушла, но оставила дверь незапертой, чтобы можно было вернуться.

– Почему она это сделала?

– Вероятно, Кейк все еще любит тебя, хотя не понимаю за что.

Дэна уязвили слова матери. Неужели ее мозг ослаб так же, как и тело?

– Почему ты так говоришь?

Элизабет закрыла глаза, словно набираясь смелости, чтобы сказать жестокую правду:

– Просто потому, что ты так относился к Кейк. Ты относишься так ко всем, кто тебя любит. Прости, Господи, но я часто думала, нет ли тут моей вины... Может, я слишком сильно любила тебя, когда ты был ребенком. Может, считала тебя центром вселенной. Не знаю. – Ее голос стих. Она отвернулась от Дэна и посмотрела в окно.

– Мама, Кейк когда-нибудь рассказывала тебе о том... как я относился к ней?

Элизабет покачала головой:

– Нет, Дэн, но кое-что ты должен знать... – Она опять сделала паузу, закрыла глаза, затем продолжила: – Несколько месяцев назад я попросила Кейк взять деньги, которые я перевела со своего счета в банке на ее. Я хотела отдать их ей перед смертью. Эти деньги лежали в банке уже много лет. Твой отец никогда не знал о них. Это был мой маленький секрет, но он давал мне... чувство свободы, сознание, что у меня есть какая-то подстраховка. В общем, я хотела, чтобы у Кейк тоже был такой маленький секрет... немного денег, которые принадлежали бы только ей. Я сказала, что она может потратить их как захочет.

– И она взяла деньги? – Голос Дэна дрогнул, когда он подумал, что Кейк просто ушла от него.

– Неохотно. Кейк отказывалась, но я убила ее, что от этих денег мне нет никакой пользы и она доставила бы мне огромное удовольствие, взяв их. Счет оказался гораздо больше, чем я ожидала. Знаешь, я ведь не трогала его в течение многих лет. Он превысил двенадцать тысяч долларов. Я удивилась и почувствовала удовлетворение от того, что так помогла невестке. Кейк была нежна со мной почти как дочь, о которой я всегда мечтала. И я полюбила ее, как родную.

– А давно это было?

– Не помню точно. Для меня все дни одинаковы, и сейчас я уже потеряла счет времени. Может, месяц назад... может, три... Не знаю.

– А в какой банк она положила деньги?

– Понятия не имею. Теперь это ее деньги.

– Хорошо, это отчасти объясняет проблему, где Кейк взяла деньги для отъезда, не правда ли?

Дэн злился, что мать оказалась в какой-то степени соучастницей случившегося, и его голос выдал его.

– Сынок, думаю, Кейк была очень несчастна с тобой, если воспользовалась этими деньгами, чтобы уехать от тебя. Мне жаль, что она ушла, – и из-за себя, и из-за тебя. Но я никогда не пожалею, что отдала ей деньги. Ничто не подорвет мою веру в нее.

– Я должен идти, мама. У меня очень много дел.

– Ты еще придешь ко мне, сынок? Ты не сердишься на меня? – Решительные нотки исчезли из голоса Элизабет. Против своего желания она начала извиняться.

– Конечно, приду, – заверил ее Дэн, внезапно тронутый слабостью матери.

Когда ее губы прикоснулись ко лбу Дэна, у него защемило сердце: ему вдруг отчаянно захотелось увидеть мать такой, какой она была когда-то. На пороге Дэн улыбнулся.

– Не волнуйся, мама... Обещаю приходить к тебе так же часто, как Кейк.

Выйдя из палаты, Дэн поклялся себе выполнить это обещание. Сев в машину, он решил не ехать в офис. Тихий внутренний голос советовал ему поспешить домой. Что-то подсказывало Дэну, что Кейк уже вернулась.

Глава 8

ИСКУПЛЕНИЕ И РЕВАНШ

Ванесса старалась остаться незамеченной до тех пор, пока первая процессия не вошла в часовню, чтобы присутствовать на траурной церемонии. Только тогда она вышла из укрытия и села на скамью недалеко от последнего ряда. Из покойницкой в дальнем конце зала выкатили гроб. По огромному количеству цветов Ванесса поняла, что церемония будет внушительной. Умершего собирались кремировать, поэтому катафалк не заказали. Ванесса вызвала такси, чтобы добраться до аэропорта, и надеялась, что оно приедет вовремя. Конечно, сейчас ее уже кто-то искал, но не здесь... Во всяком случае, пока.

Полились тихие звуки органной музыки, и скамьи начали заполняться. Вскоре и справа, и слева от Ванессы уже сидели люди, и это тревожило ее, хотя она и пыталась скрыть беспокойство. Она не выносила, когда к ней прикасались, особенно посторонние, и очень рано узнав, что прикосновения могут быть неприятными и угрожающими, всегда старалась избегать их.

Ванесса подумала о том счастливом времени, когда родилась ее дочь и жизнь наполнилась надеждами. Потом наступили тяжелые годы. Если ей удастся выжить после того, как задуманное будет выполнено, сможет ли она когда-нибудь снова почувствовать себя счастливой? Вряд ли. Она потеряла слишком многое: доверчивость... мечты... любовь. В ее биографии было немало тайн и темных страниц, а избранный ею путь угрожал катастрофой. Ванесса не слишком надеялась на успех этого отчаянного, безумного, авантюрного предприятия.

Но, как говорил отец, «каждый делает то, что должен делать». Интересно, оскорбился бы он, узнав, что дочь использовала эти слова, чтобы предать его? Каким же он был дьяволом! Неужели поэтому она так обожала его? Кроме отца, у нее никого не было. Мать она почти не помнила, а отец не хотел рассказывать о ней, даже когда Ванесса просила его об этом. С детства она поняла, что отцу следует подчиняться во всем, что он считает важным. Однажды Ванесса проявила неповиновение и потом страдала из-за этого всю жизнь. Но отец умер, и теперь она предоставлена сама себе. Ей незачем жить. Только ради мести. Сможет ли она осуществить ее? Ванессе казалось, будто она кого-то обманывает, ставя на карту свою жизнь, которая ровным счетом ничего не стоила – ни для нее самой, ни для кого-либо другого.

Траурная церемония прошла слишком поспешно. Хотя когда-то покойный был богатым, влиятельным человеком, он пережил своих современников, и те, кто пришел отдать ему последний долг, не испытывали чувства утраты.

Когда служба закончилась и все двинулись к дверям часовни, Ванесса смешалась с толпой. Выйдя на улицу, она увидела такси перед линией выстроившихся в ряд лимузинов, но подавила желание немедленно сесть в него. Только перебросившись несколькими словами с пожилым мужчиной, который шел рядом с ней, Ванесса направилась к такси, села на заднее сиденье и посмотрела в окно, нет ли в толпе кого-то из знакомых. Нет, только посторонние люди. Такси тронулось, и у Ванессы появилась надежда, что задуманное удалось.

Она попросила водителя отвезти ее в аэропорт и там на всякий случай постояла у справочного стенда до тех пор, пока машина не отъехала с новым пассажиром. Затем Ванесса поднялась в магазин сувениров, купила небольшой пакет, газету, несколько журналов, пошла в женский туалет и заперлась в кабинке. Там она отложила чтиво и маленькую косметичку для ручного багажа. Заранее приготовленную карточку с именем «Миссис Джон Фицджералд» Ванесса прикрепила к пакету.

Все более или менее удачно, подумала она, взглянув на часы. Проклятие! На ней все еще были инкрустированные бриллиантами часы от Картье! Она собиралась избавиться от них

вместе с другими вещами, позабыла. Быстро сняв часы, Ванесса бросила их в унитаз и без тени сожаления спустила воду.

Оплатив билет до Нью-Йорка и обратно, она подумала: «Интересно, покупал ли кто-нибудь обратный билет, идя на смертельный риск? Едва ли».

Всю жизнь Ванесса летала либо первым классом, либо на частном самолете и сейчас страшно боялась оказаться зажатой между чужими телами в течение пяти с половиной часов. Она бы села ближе к проходу, но полагала, что будет менее заметна в кресле у иллюминатора. Однако в салоне для некурящих свободных мест у иллюминаторов не оказалось. Ванесса решила перейти в салон для курящих, надеясь, что сможет там дышать. Поразительно! Рискуя жизнью, она беспокоится из-за сигаретного дыма. А почему бы не закурить самой?

Незадолго до начала посадки Ванесса вернулась в магазин сувениров и купила себе дешевые часы «Таймекс», более подходящие для той жизни, которую ей предстоит вести, чем те дорогие, что она бросила в унитаз. Надевая новые, Ванесса вдруг поняла, что впервые в жизни чувствует себя свободной. Оттого ли это, что она вырвалась из дома отца... или оттого, что навсегда избавилась от его влияния?

Не зная ответа, Ванесса была уверена в одном: возможно, ей осталось мало жить, но, ей-богу, она проживет отпущенный срок свободной. Никто – никто в мире – никогда больше не будет ничего приказывать ей.

Глава 9

ПОЛИТИКА

Триш не спалось. Матрас был влажным, а она чувствовала себя одинокой и потерянной в грязном номере отеля. Триш просунула ножку стула через дверную ручку, чтобы никто не вошел, убедилась, что окно плотно закрыто, но ощущение безопасности не приходило. Проклятие! У нее под глазами появятся жуткие мешки! Чем больше она старалась успокоиться, тем сильнее волновалась, пока наконец не включила телевизор. Триш смотрела «Мятеж на Баунти» со стариком Марлоном Брандо до тех пор, пока не начала клевать носом. В четыре утра она наконец забылась полным видений сном, а в девять горничная постучала в номер и разбудила ее.

Идти завтракать было уже слишком поздно, поэтому Триш вызвала официанта и заказала тост с кофе. Около десяти подали холодный и горький кофе, а также тост, приготовленный из светлого плохо пропеченного хлеба для сэндвичей. Ее утешала лишь мысль, что ленч удастся лучше.

Вспомнив первую сцену Фей Данэвей в «Дорогой маме», Триш заказала корзиночку со льдом и решила проверить на себе его восстанавливающую силу. Она взяла пригоршню ледяных кубиков и прижала к лицу. Через несколько секунд боль стала невыносимой, и Триш бросила лед в раковину. Боже, она не рождена, чтобы быть обаятельной! Триш предприняла вторую попытку, но подержала лед у лица лишь несколько секунд. Как неудачно начинался день! Она посмотрела в зеркало. Лицо было красным – только и всего.

Душ тоже оказался тяжким испытанием. Струи кипятка и холодной воды чередовались всякий раз, как кто-нибудь в отеле спускал воду в унитазе или поворачивал кран. Триш завернулась в полотенце и подкрасила лицо при сером свете дня, струившемся сквозь грязное окно.

Она действовала терпеливо, осторожно наложила тональный крем под глазами, чтобы скрыть мешки, нанесла тени на веки и отделила каждую ресничку специальной щеточкой. Закончив, Триш причесалась точно так, как научила ее Норин, и волосы легли великолепно. Пока неплохо. Триш надела свой новый прекрасный костюм, ботинки, переложила вещи в новую сумочку. «Смотрите, сенатор, вот и я», – казалось, говорила новая женщина, глядевшая на нее из зеркала.

Приехав во «Времена года» пораньше, она поднималась по главной лестнице в ресторан, внимательно разглядывая каждую деталь восхитительного орлиного гнезда, вырезанного из мрамора. Высокие потолки, изобилие зелени, никаких уютных уголков, заметила она. Элегантно, но предназначено совсем не для того, что имела в виду Триш. Поскольку Ред еще не приехал, она отказалась сесть, ибо предпочитала, чтобы он сделал это первым. Ничего, сейчас она пройдет в туалет, взглянет на себя в зеркало и последний раз перед встречей забежит в кабинку.

Десять минут Триш расслабленно сидела на диване, глядя в длинные зеркала и восхищаясь своим новым, очень модным обликом. Наконец она решила, что пора уходить.

Триш точно рассчитала время. Когда официант провел ее по коридору, отделанному мрамором и стеклом, мимо впечатляющего гобелена Пикассо, мимо сотен бутылок вина, стоящих за стеклянными витринами, в огромную комнату с бассейном в центре, сенатор как раз усаживался за стол. Триш слегка затрепетала, увидев его высокую фигуру и копну рыжих волос, слегка поблекших, но все еще ярких. Подождя, когда он устроится на кожаном диване, она направилась к нему, страстно желая, чтобы он поднял глаза и увидел ее во всем блеске кра-

соты. Когда Триш была в пяти футах от стола, Ред увидел ее, и лицо его озарила именно такая улыбка, какую она ждала.

– Делани, Боже мой, ты выглядишь великолепно!.. Ты заставила время остановиться. – Поднявшись, он быстро обнял и поцеловал ее.

Усевшись, они заметили, что глаза всех присутствующих устремлены на них.

– Ты тоже отлично выглядишь, Ред, и совсем не изменился, – сказала Триш.

– О да! Просто ты видишь меня, постаревшего, сквозь волшебную призму средств массовой информации. Итак, расскажи... что происходит в твоей жизни?

– Боюсь, ничего столь удивительного, как в твоей. Из газет я узнала, что твоя семейная жизнь тоже приближается к катастрофе. Это правда?

О Боже! Зачем она сразу заговорила об этом?

– Давай выпьем. Чего бы ты хотела?

– «Кровавую Мэри», пожалуйста.

Ред сделал заказ, положил руки на стол и, глядя Триш в глаза, спросил:

– Так ты читала всю эту грязную ложь, которую печатали о нас с Глорией?

Триш кивнула. Она читала о нем все, что могла достать, с тех пор как он стал знаменитостью. Ред язвительно улыбнулся.

– Ладно, только никому не рассказывай: газетчики правы.

– Все? – изумилась Триш.

– Ну, может, не все, но у меня с женой действительно натянутые отношения. У нас с Глорией, как говорится, брак по «взаимному соглашению».

Мы доверяем друг другу, ведем себя цивилизованно, но я не помню, когда мы с ней последний раз беседовали серьезно. Мы никогда не ссоримся. Впрочем, это, наверное, слишком личное. – Он говорил легко и весело, но Триш слышала в его голосе злобные нотки.

– Почему же вы все еще вместе?

– Политика, Делани, политика. Я хочу баллотироваться в президенты. Если это мне удастся, она согласится помочь и доиграть пьесу до конца выборов. Больше Глория ничего не обещает, хотя я уверен, что она не сможет отказаться от роли первой леди. Знаешь ли, власть развращает.

– Кажется, тебе до Глории и дела нет. Сенатор вздохнул, сделал большой глоток виски с содовой и поставил бокал на стол.

– Глория никогда не была моей большой любовью, но она нравилась мне, и я очень уважал ее.

Триш хотела спросить Реда, кто же был его большой любовью, но воздержалась, ибо ответ мог ей не понравиться.

– Звучит не слишком романтично, – заметила она.

– Да, не все браки заключаются на небесах. Хуже то, что многие из них заключаются в аду.

Возникла неловкая пауза, и Триш решила, что беседа слишком далеко отклонилась от курса.

– Ред, помнишь нашу последнюю встречу? Ночь, перед тем как ты уехал в Вест-Пойнт? Он несколько секунд молча смотрел на нее.

– Да. А ты? Триш смутилась:

– Как по-твоему, что случилось бы, если бы... мы провели ту ночь иначе?

Ред улыбнулся, взял руку Триш и, рассматривая ее пальцы, ответил:

– Трудно сказать. Возможно, я послал бы армию к черту и остался в Огайо. Ты могла забеременеть, и мне пришлось бы работать на бензоколонке, чтобы содержать тебя и ребенка. Вероятно, мы жили бы в просторном доме. По пятницам вечерами я играл бы с друзьями в покер, пил пиво и смотрел по телевизору футбол. Но знаешь что?

– Что?

– Я все еще хотел бы, чтобы ты сказала «да». Триш почувствовала, как ее глаза наполняются слезами.

– Ред, ты всегда говорил только правильные вещи. Неудивительно, что все голосуют за тебя.

– Ну, не все. Давай закажем ленч. Сколько ты пробудешь в Нью-Йорке?

– Не знаю. Думаю пожить здесь некоторое время. У меня нет конкретных целей, но мне нужно поискать работу.

– Правда? Может, пойдешь работать ко мне?

– А что нужно делать?

– Помогать в проведении моей кампании. Знаешь, меня неплохо финансируют с тех пор, как последний опрос показал, что в партии лидирую я.

В кулуарах меня называют новым Джоном Фицджералдом Кеннеди. Жалованье будет небольшим, но ведь так здорово работать на кампанию по выборам президента... И это даст нам возможность видаться на людях. Что ты об этом думаешь?

– Я... Ну что ж, если ты считаешь, что я могу чем-то помочь тебе... – Сердце Триш подпрыгнуло, когда она услышала, что Ред хочет видаться с ней.

– Решено. А теперь советую тебе попробовать нечто действительно оригинальное: закажи яблочный соус и великолепное суфле из лобстеров.

Блюда и впрямь оказались превосходными. Но лучше всего было неподдельное оживление и общие воспоминания. Наконец принесли кофе, и Ред взглянул на часы.

– Я должен идти. Хотя хотелось бы провести с тобой весь день. Вот моя визитная карточка. Обратись только к Джо Франклину. Он все устроит. О'кей?

– Прекрасно. И спасибо за чудесный ленч. Я прекрасно провела время.

– Я тоже. Сегодня вечером мне придется лететь в Вашингтон, но, если повезет, вернусь в субботу. Давай пообедаем вместе. Где тебя найти?

Триш достала из сумочки спичечный коробок, захваченный ею из отеля, и протянула его Реду.

– Здесь я остановилась... временно, надеюсь.

– Отлично. Прости, я должен бежать. Выпей кофе... или закажи что-нибудь еще. Они запишут на мой счет. Знаешь, Делани, ты стала еще красивее.

Провожая его взглядом, Триш боролась с противоречивыми чувствами. Ее радовало, что Ред все помнит и о многом жалеет, но крайне удручало то, что ей придется провести еще три дня в этом подавляющем, отталкивающем, чужом городе. Триш выпила чашечку кофе, затем еще одну. Чем же теперь заняться? В управление Реда нельзя пойти до завтра. Может, стоит снова наведаться в магазины и подобрать себе что-нибудь к субботнему вечеру? Сейчас внешний вид для нее важнее, чем когда-либо в жизни. Но времени для этого достаточно. Прежде всего она отправится на новую экспозицию Музея современного искусства и насладится полотнами Моне.

Глава 10

НАКОНЕЦ-ТО ОДНА

Самолет взлетел не по расписанию, и Ванесса с самого начала ощутила неудобства, стараясь избежать прикосновений локтя дородного соседа. Она надела наушники, надеясь отвлечься музыкой. Тщетно! Едва Ванесса успокоилась, как мужчина впереди откинул спинку кресла назад, и та оказалась почти у нее на коленях. Проклятый четвертый класс выводил ее из себя. Как можно мириться с такими условиями? Черт знает что! Ванесса начала закипать.

Воздух уже был сизым от табачного дыма, и у нее начали слезиться глаза. Ужасно! Может, попросить кого-нибудь поменяться местами? Нет, самолет почти переполнен, лучше не привлекать к себе внимание.

Ванесса заказала двойной джин с тоником, надеясь, что это поможет. Она пыталась читать, но не могла сосредоточиться: близость людей тревожила ее.

К обеду Ванесса попросила принести немного вина. Однако неаппетитный вид пищи, поданной на крошечном подносыке, вызвал у нее тошноту. Она съела холодный рогалик с маслом, выпила немного вина и, ощутив в голове легкость, решила больше не пить, чтобы сохранить ясность ума. Предстоял еще долгий путь.

Ванесса откинула голову на спинку кресла и закрыла глаза. И зачем она так много выпила? Когда стюардесса принесла горячий кофе, Ванесса с удовольствием выпила его.

Как только соседи покончили с едой, она протиснулась мимо них и направилась в туалет. Здесь выстроилась длинная очередь. Слава Богу! Можно не возвращаться на место. Впрочем, не вызовет ли подозрений женщина, расхаживающая по салону?

Наконец подошла ее очередь. Ванесса с облегчением захлопнула за собой дверцу. Маленькое уединение компенсировало все прочие неудобства.

Даже под толстым слоем косметики лицо Ванессы казалось призрачно-серым, руки дрожали. Она наклонилась над унитазом, надеясь, что ее стошнит, но этого не произошло. Намочив салфетку водой, Ванесса приложила ее ко лбу, потом к шее. Через некоторое время ей стало немного лучше, она вымыла руки, привела в порядок волосы, подправила макияж и открыла дверцу. В салоне стало темно. Демонстрировали фильм. Господи, благослови Голливуд!

Едва самолет приземлился в аэропорту Кеннеди, Ванесса вышла одной из первых и, наслаждаясь просачивающимся в коридор прохладным вечерним воздухом Нью-Йорка, ощутила облегчение и подъем.

Она поспешила к стоянке такси, попросила шофера отвезти ее в отель «Пьерре», но лишь на несколько секунд зашла в вестибюль. Как только машина уехала, Ванесса снова вышла на улицу.

Она устала, но свежий воздух, свобода и любовь к пешим прогулкам придавали ей силы. К тому же расстояние до выбранного ею отеля было не таким уж большим.

Ванесса шла медленно, наслаждаясь шумом города, оживленным движением, но больше всего возможностью оставаться незамеченной. Нью-Йорк – лучшее место для человека, решившего исчезнуть.

Вскоре она добралась до «Мейбл-отеля», старого, скромного здания, в котором селились в основном торговцы с ограниченными средствами. Даже в годы расцвета этот отель предназначался для коммерсантов, а сейчас и подавно не привлекал людей из круга Ванессы. Вот почему он идеально подходил ей. Она подошла к стойке и попросила номер, зарезервированный на имя Фицджералд.

– Да, мадам, ваше имя есть. Маленький номер, верно? – спросил клерк.

– Надеюсь, он готов. Я очень устала.

– У вас был долгий перелет из... Сиэтла, так?

Ванесса кивнула. В молчании секрет успешной лжи, учил ее отец.

– Багаж... Ваш багаж в вестибюле? – спросил клерк.

– Нет, – устало ответила Ванесса. – Он потерялся. Пожалуйста, если служащие аэропорта доставят багаж в течение дня, поддержите его у себя. Я не хочу, чтобы меня будили.

– Долго ли вы проживете у нас, мисс Фицджералд?

– По меньшей мере две недели. Могу я теперь получить ключ?

Клерк отдал ключ от номера ожидавшему носильщику, который взял вещи Ванессы. Она обрадовалась, что предусмотрительно написала на карточке соответствующее имя. Они вошли в лифт и поднялись на одиннадцатый этаж. Ее номер оказался неподалеку от холла. Войдя в комнату, Ванесса быстро расплатилась с носильщиком и отпустила его. Заперев дверь, она вздохнула. Наконец-то одна... Слава Богу!

Глава 11

НЕОФИТКА

Стоя в очереди за билетом в музей, Триш взглянула на предгрозовое небо. Ей захотелось вернуться домой и снять новую одежду. Но, охваченная ликованием после встречи с Редом, все же она не ушла. Все получилось именно так, как она мечтала. Он явно хотел возобновить отношения с ней. К тому же Триш получит работу, что позволит ей вернуть некоторые долги, останется в Нью-Йорке, сможет ходить по музеям и галереям, где живопись воспринимается как приключение, прорыв в неизвестное и неизведанное, позволяющий найти новые перспективы жизни. Триш посмотрела на башню, которую возводили над музеем, и ей захотелось купить там квартиру. Опять дневные грезы!

Триш остановилась перед «Водяными лилиями» Моне, и прозрачные цветы приковали к себе ее взгляд. Она размышляла о художнике, о его вдохновении и смелости, с которой он разбросал широкие мазки по большому холсту. Как свободен и отважен был Моне, как уверен в своих возможностях и своей гениальности!

Она долго рассматривала холст то с близкого расстояния, то издалека и думала о собственной жизни, о своих набросках. Триш никогда не писала тонкой кистью. Она любила яркие краски, смелые мазки, но, когда сама переносила задуманное на холст, не достигала желаемого результата. Что-то не позволяло ей рисовать вещи такими, какими Триш видела их. Она рисовала со страстью, но никогда никому не показывала свои работы: близкие не понимали эти абстракции, а обратиться к специалисту у нее не хватало смелости. Она боялась, что ей посоветуют не тратить время понапрасну.

Час спустя Триш вышла из музея, решив сделать несколько серьезных покупок. Дождь пока не начался, поэтому она пошла пешком вверх по Пятой авеню.

У Бергдорфа Триш нашла импозантное черное шелковое платье от Мэри Макфадден и шелковую кружевную комбинацию. Поскольку она не захватила с собой драгоценности, пришлось купить большие серьги с эмалью и искусственными бриллиантами. У Миллера Триш купила атласные туфли на высоких каблуках, оказавшиеся весьма удобными. Триш хотела приобрести еще черный французский жакет из ангоры от Глории Сакс, чтобы набросить его на плечи, но он стоил пятьсот долларов. Придется обойтись шарфиком. Из отеля в ресторан она поедет на такси и, если пойдет дождь, накинёт легкий плащ.

Почувствовав себя лучше, хотя и значительно беднее, Триш около половины седьмого вернулась в отель, бросила коробки на кровать и вдруг заметила подсунутый под дверь листок бумаги. В записке сообщалось, что звонил Ричард Теран и оставил свой номер. Вечер, проведенный в обществе адвоката, доставил ей удовольствие, но она уже почти забыла о нем. Радость от встречи с Редом заслонила все.

И все же Триш набрала номер, попала в офис, и оператор соединил ее с Ричардом.

– Триш, я так рад, что вы позвонили! Как ваш визит в большой город?

– Чудесно! Так здорово жить в Нью-Йорке!

– Рад слышать, что кто-то получает от этого удовольствие. Я хотел узнать, не согласитесь ли вы пообедать со мной сегодня вечером. Я отвезу вас туда, где великолепно кормят, обещаю вам... И мы не задержимся допоздна, поскольку рано утром мне нужно ехать в суд на переговоры, предшествующие процессу. Что скажете?

Настроение Триш поднялось.

– С удовольствием, Ричард. У меня нет планов на сегодняшний вечер, а наша прошлая встреча мне очень понравилась.

– Отлично. Тогда я пришлю за вами автомобиль в семь часов, а потом вы заедете за мной. Как раз в это время я освобожусь.

– Мне надеть вечернее платье... или костюм?

– Вечернее платье, конечно. До встречи, дорогая.

Триш положила трубку и взглянула на покупки.

«Ну, дружище, похоже, тебе предстоит судебное разбирательство».

Ровно в семь позвонил портье и сказал, что ее ждет автомобиль. Триш бросила еще один взгляд в зеркало на незнакомку в дорогом черном платье, в изящных туфлях и весело воскликнула: «Если бы они меня сейчас видели!» Затем вышла из отеля, села в лимузин и вдруг пожалела, что не купила жакет. Становилось холодно. К тому же Триш опасалась, что выглядит глупо без шарфика. Да и вообще она не привыкла к нью-йоркской погоде и совсем не хотела подхватить простуду.

Автомобиль подъехал к Ричарду, стоявшему перед зданием на Парк-авеню.

– Триш, вы просто сказочное видение для моих усталых глаз. Признаюсь, воображение без конца рисовало мне встречу с вами.

Она рассмеялась.

– Подождите, вот я встану, и вы увидите меня во всей красе. Уверю вас, мне не сразу удалось найти этот наряд.

– Это все равно что спрыскивать духами розу, дорогая. Уверен, вы ослепительны даже в старом халате и тапочках. – Ричард поцеловал руку Триш.

Сегодня уже второй раз энергичный, привлекательный мужчина делал ей комплименты, и она готова была верить им. Странно, как это удастся стать такой, какой тебя хотят видеть. Наверное, благодаря одежде. Всю жизнь Триш относилась к нарядам спокойно и никогда не понимала женщин, тратящих на них время и деньги. Но, может, они знали что-то, чего не знала она... до сегодняшнего дня.

– Я рада, что вы позвонили, Ричард. У меня выдался чудесный день, и очень приятно закончить его так же, как он начался.

– Я как раз думал позвонить вам и узнать, как ваши дела, когда появилась возможность пообедать в весьма необычном ресторане. Я счастлив, что вы согласились составить мне компанию.

– Куда мы едем?

– В одно место, о котором, я уверен, вы не слышали. Вот увидите, оно настолько исключительное, что его нет даже в телефонной книге.

– Серьезно?

– Абсолютно. Оно называется «Вентидо». Знаете, что это означает?

– Нет, но звучит, как итальянское слово.

– Так и есть. По-итальянски «двадцать два». Понимаете, это шутка. Хозяину «Вентидо» когда-то не понравилось, как его обслужили в ресторане «Двадцать один». Он решил открыть собственный ресторан и сделать его гораздо лучше.

– Забавно. Вероятно, он очень богат.

– Да. Он влиятельный, очень таинственный человек и мой клиент. Я работаю у него как советник, дабы он не оказался не в ладах с законом. В общем, этот человек пригласил нескольких своих друзей в компаньоны. Они решили создать интимное, необычное местечко, где можно пообедать и развлечь друзей или партнеров по бизнесу. Из Италии в Нью-Йорк переманили отличного повара.

– Предприятие, похоже, дорогое, но почему они выписали повара из Италии, а не из Франции? – спросила Триш.

Ричард улыбнулся.

– О, дорогая, итальянская кухня – мать кухни французской. И, кроме того, хозяева – итальянцы, как и большинство их друзей.

– А это не мафия? – полюбопытствовала Триш.

– Фи! Нет, конечно, нет. Ведь не все богатые итальянцы – бандиты. Моя мать была итальянкой. Да и наш уважаемый губернатор тоже итальянец.

– Простите за глупый вопрос. – Триш почувствовала себя неловко.

– Прощаю. Мы приехали.

Лимузин остановился перед новым небоскребом из стали и стекла. Швейцар в вышитой золотом ливрее вышел из-под навеса, на котором не было вывески. Здание выглядело как офис. Триш и Ричард миновали ярко освещенный мраморный вестибюль и двух охранников, сидевших за стойкой, оснащенной мониторами, и вошли в лифт.

Когда они поднялись в пентхаус, Ричард продолжил:

– Моему клиенту пришла в голову идея организовать ресторан, когда он был в Японии. Там прекрасные заведения – очень маленькие, уединенные, и привилегия быть постоянным посетителем переходит от отца к сыну. Ведь в Японии не слишком заботятся о развлечении женщин.

– Хорошо, что здесь другие порядки, – заметила Триш, когда двери лифта раскрылись.

За ними оказалось тускло освещенное помещение с высокими окнами, за которыми раскинулась мерцающая огнями панорама города. На потолке горело множество крошечных лампочек, похожих на звезды в ночном небе. Казалось, зал плыл в космическом пространстве. К Триш и Ричарду подошел невысокий мужчина в вечернем костюме.

– Добрый вечер, мистер Теран. Ваш столик готов. Мисс Делани, добро пожаловать в «Вентидо». Надеюсь, вам здесь понравится.

Метрдотель проводил их к дивану, обитому темно-синей кожей. Глядя на бескрайний город, Триш спросила:

– Они узнают имена всех посетителей прежде, чем те приходят сюда?

Ричард кивнул:

– Вы просите их зарезервировать столик, и в случае каких-либо изменений вам звонят.

Триш огляделась. Стол покрывала скатерть из бледно-голубого камчатного полотна, хрустальные бокалы для вина и воды, серебряные приборы, голубые ирисы в гладкой овальной серебряной вазе. На столе горела свеча и лежали две карточки с именами Триш и Ричарда.

Триш пришлось слегка привстать, чтобы увидеть соседний столик, ибо все здесь было спроектировано необычно и при ощущении простора обеспечивалось уединение. Ее поразила изобретательность проекта.

– Богатые умеют жить, не так ли? – заметил Ричард.

– Конечно. Сколько же здесь столиков?

– Не так уж много. Ощущение простора создают огромные окна. А вообще-то здесь едва ли больше двадцати столиков.

– Неужели все они заняты? Ричард рассмеялся:

– Еще бы! Это лучшее место в городе, где прекрасно готовят. Однажды пообедав здесь, вы захотите прийти сюда снова. А хозяева не так щедры на приглашения, как раньше.

К столику подошел второй метрдотель.

– Добрый вечер, мисс Делани, мистер Теран. Я Карло. Хотите коктейли или прислать специалиста по винам, который поможет вам сделать выбор?

– Я предпочла бы вино, – ответила Триш. Ричард кивнул.

– Хорошо. Я тоже.

Через несколько секунд перед ними появился смуглый мужчина с блестящими черными волосами, в вечернем костюме. На шее у него висели две серебряные цепочки. К концу одной

была прикреплена маленькая серебряная рюмочка для дегустации вин, к другой – внушительная связка ключей.

Ричард заказал бутылку шампанского «Тейттинджер Роуз», и официант принес ее, восхищаясь великолепным выбором клиента. Попивая вино, Триш и Ричард беседовали, как старые друзья. Адвокат сказал, что случай, которым он сейчас занимается, отнимет больше времени, чем ожидалось, и заставит его прожить в Нью-Йорке немного дольше. А Триш сообщила, что сегодня нашла работу и тоже задержится здесь.

Обед не обманул ее ожиданий, и Триш размышляла над чудесной переменой в своей жизни.

Все шло прекрасно, пока она не спросила:

– Ричард, расскажите о деле, которое задержало вас в Нью-Йорке?

– Меньше всего мне хотелось бы говорить об этом во время такого прекрасного обеда, и поверьте мне, Триш, тут нет ничего, о чем вы хотели бы услышать. – Возникла короткая неловкая пауза, и лицо его выразило легкое беспокойство. – Адвокат часто вынужден общаться с людьми, для которых закон ничего не значит. Это разочарует вас, но каждый человек имеет право на защиту...

Ричард умолк, казалось, погрузившись в размышления.

– Простите, – сказала Триш, – прошу вас, останавливайте меня, когда я сую нос не в свое дело. Честное слово, я не обижусь. Я тоже могу рассказать далеко не обо всем, а кое о чем запрещаю себе даже думать. Знаете, мне свойственно все преувеличивать. Когда случилось что-то плохое, я всегда раздувала это. Потом происходило еще худшее, с чем я не могла справиться. Я хотела избавиться от этого... иначе сделала бы с собой Бог знает что. Что-то ужасное, я уверена.

На ее лице застыло выражение такого отчаяния, что Ричард проникся сочувствием. Заметив уязвимость Триш, он захотел успокоить и защитить ее.

– Триш, дорогая, вы правы, что не думаете об этом. Мы не можем позволить несчастьям поглотить нас, верно? – Он ободряюще улыбнулся и повеселел, когда Триш кивнула.

– Конечно, не можем. И я решила больше не допускать этого. Жизнь дана для удовольствий, а не для страданий.

– И что же за чудесный философ изрек это? Триш рассмеялась:

– Я.

Ричард с восхищением посмотрел на нее.

– Правда?

– А разве где-то написано, что философы – только старики?

Триш вернулась к себе в номер чуть раньше половины двенадцатого, пообещав своему спутнику пообедать с ним еще раз в первый же вечер, когда оба будут свободны. Она приняла душ, легла в постель, но не смогла уснуть и решила немного почитать.

Ее разбудил телефонный звонок. Оператор выполнил просьбу и разбудил клиентку в семь утра. Триш положила трубку и вдруг поняла, что чувствует себя как дома в этой жалкой комнатенке, на никудышном матрасе. Она уснула в очках, не выключив лампу.

«Тело привыкает почти ко всему», – подумала Триш и, надев костюм, направилась в офис Реда. Утро выдалось серым и холодным. Ветер пронизывал ее насквозь. Раз уж придется остаться в Нью-Йорке, надо купить пальто.

Триш зашла выпить чашечку горячего кофе, раскрыла «Таймс» и удивилась, увидев на первой полосе улыбающееся лицо Реда. Она внимательно прочитала: «Сенатор Джонатан (Ред) О'Ши покидает палату сената с триумфом – после его блестящего выступления в прениях вопрос о принятии законопроекта Уайткомба-Сэндхила был снят. Сенатор О'Ши заметил, что провал этого билля стал победой рабочих людей над теми, кто лоббирует свои интересы. Однако едва ли это заявление примирит его с консервативными элементами в партии».

Триш разволновалась. Если бы она могла рассказать кому-нибудь о своих переживаниях! Ее охватило ощущение одиночества, но ей удалось избавиться от него. Ничего, скоро у нее появятся новые друзья. Она не имеет права на жалость к себе и ностальгию. Она станет сильной.

Офис гудел от голосов и стука пишущих машинок. К Триш подошла молодая женщина:

– Могу я вам чем-нибудь помочь?

– Я ищу Джо Франклина.

– Он у себя в кабинете.

Триш прошла через зал к маленькому кабинету за стеклянной перегородкой. Мужчина лет сорока, с темными волосами, тщательно прикрывающими лысину, взглянул на нее:

– Привет, могу чем-то помочь?

– Вы Джо Франклин? – спросила Триш. Мужчина кивнул, и она представилась:

– Я Триш Делани, и Ред сказал...

Триш не успела закончить. Услышав имя шефа, Джо вскочил и протянул ей руку.

– Да, конечно. Садитесь. Ред сказал, что вы придете сегодня. Как я понял, вы хотите работать у нас?

Триш испытала облегчение оттого, что Ред расчистил ей путь, но тут Франклин спросил:

– А какой у вас опыт? Умеете печатать?

– А у вас обязательно это уметь?

– Вообще-то я не знаю, чем вы будете заниматься. Сенатор просил меня найти для вас место, вот я и пытаюсь это сделать. – В его голосе звучало пренебрежение.

– А если бы я была мужчиной, вы задали бы мне такой вопрос?

Джо разозлился, ибо ему пришлось обороняться, но вместе с тем обрадовался. Перед ним явно не какая-то пустышка, которая занимает место и получает деньги неизвестно за что. У этой определенно есть мозги... и она не лезет за словом в карман.

– О'кей, извините. Я совсем не хочу создавать Реду проблему равенства женщин. Постараюсь проявить больше внимания к этой проблеме.

– Может, сенатору О'Ши нужен человек, способный заняться женским вопросом? – предложила Триш.

Джо Франклин знал, когда стоит уступить, а когда – ударить кулаком по столу. Вполне возможно, что эта леди спит с сенатором, поэтому он поступит мудро, если подружится с ней хотя бы на некоторое время.

– Вас интересует этот аспект кампании?

– Да. Думаю, да. Но признаюсь, я никогда ничем таким не занималась. Полагаю, к этому побуждает меня внутреннее чувство.

Триш старалась держаться естественно, чтобы сохранить свой имидж. Приехав в Нью-Йорк, она решила, что никогда больше не позволит унижить себя.

– Хорошо, пусть будет так. Возможно, то, что вы новичок в женском движении, окажется нам на руку, ибо у вас нет ни предвзятости, ни враждебности. Сенатор говорил вам о жалованье?

– Только то, что оно, вероятно, не будет большим. Однако сумма должна покрыть мои расходы. У меня, увы, нет неограниченных фондов.

– Ладно. Тогда мы с ним обсудим это, о'кей? Сделаю все, что смогу. Никто не наживает состояний на этом бизнесе... по крайней мере до выборов. – Он усмехнулся. – Кстати, миссис Делани... Вы ведь миссис, не так ли? Давно вы знакомы с сенатором?

– Раз кампания Реда собирается уделить внимание женскому вопросу, значит, нам следует пользоваться словом «миссис». Да, я знаю сенатора очень давно.

Триш осталась очень довольна собой, ибо ловко уклонилась от вопроса о замужестве. И еще она чувствовала, что лучше не говорить Франклину больше, чем нужно. Ощувив его стремление контролировать служащих, Триш потеряла доверие к нему.

– Когда мне приступить к работе? Он слегка улыбнулся:

– Хотите начать сегодня? Или подождете, пока я выясню вопрос о жалованье?

– Я уже обещала Реду поработать на его кампанию. Из него получится великий президент, и я хотела бы помочь ему войти в Белый дом. В этом деле я неофитка, поэтому мне лучше начать сейчас же. – Триш встала. Она хотела закончить разговор раньше, чем Франклин спросит об ее отношениях с Редом. Очевидно, он уже понял, как важно, чтобы она работала у его босса.

Джо представил Триш нескольким служащим и показал ей маленький стол, заваленный пачками огромных плакатов с надписями: «Всегда с Редом О’Ши!» Очевидно, команда сенатора собиралась обыграть его сходство с Джоном Фицджералдом Кеннеди.

Когда Триш перекладывала книги и журналы на полки, к ней подошла высокая худая женщина в потертой юбке. Длинные жесткие волосы, разделенные на прямой пробор, и что-то еще делало ее похожей на эмигрантку начала семидесятых годов.

– Привет, я Милли Бартон. Ответишь мне на один вопрос?

– Привет, я Триш Делани. Попытаюсь, хотя не очень много знаю.

– Если бы тебе пришлось выбирать между Мэри Уорт и Джоанни Кокос, кому бы ты отдала предпочтение?

Триш усмехнулась.

– Это зависит...

– От чего? – спросила Милли и весело прищурилась.

– От того, зачем меня искали: обвинить в чем-то или завязать интересную беседу.

– Ты юлишь, как говорят в таких случаях. Отвечай, – настаивала Милли.

– О’кей, о’кей. Я предпочла бы Джоанни. – «Чего же хотела Милли?» – подумала Триш.

– Ну вот, ты прошла тестирование. Теперь мы можем подружиться. Я отказываюсь иметь дело с теми, кто не читает «Дунсбери». В общем, тебя послал Бог. Здесь полно надутых задниц, считающих, будто выполняют священную миссию. А нам нужны те, кто воспринимает себя не слишком серьезно, иначе мы наверняка станем жертвами грибообразного облака.

Триш улыбнулась и поняла, что у нее появилась подруга.

– Милли, я так рада, что встретила тебя! Почему ты решила работать на сенатора?

– Мне тридцать пять, и я давно скучаю по старым денькам в Беркли. Вот я и подумала, что, может, мне удастся вернуть их.

– Ты из Калифорнии?

– Теперь уже нет. Я родилась и выросла в Северной Каролине. В Беркли преподавала на последнем курсе, и там моя жизнь полностью изменилась. Я пыталась вернуться к преподаванию, но уже в другом месте.

– А что ты преподавала?

– Историю. Я хотела, чтобы мои студенты знали, как важно понимать историю, чтобы не обмануться и не повторить ее. Но им было на это плевать. Их волновали дипломы и работа, что, впрочем, вполне объяснимо. Я не могла ничего этому противопоставить, но вместе с тем не испытывала удовлетворения от работы. И вдруг я поняла, что наши поколения разделяет пропасть. Ладно, пойдем перекусим. Я проголодалась, а в двух кварталах отсюда есть отличное маленькое кафе. Туда нужно успеть до двенадцати.

– Прекрасная мысль. Пошли.

По пути в кафе они болтали о том, как весело жить в Нью-Йорке. Триш находила, что Милли очаровательна и умна. Когда они наконец уселись на табуреты, обтянутые потертой красной кожей, она решила выяснить обстановку в офисе.

– Милли, что ты думаешь о ФранкLINE?

– Это шовинистический ублюдок, но я не только поэтому не доверяю ему. Я работаю здесь уже три месяца, и, по-моему, у него слишком большие амбиции. Он видит себя завоевывающим Белый дом для Реда. Думаю, он пошел бы на все, абсолютно на все, чтобы сенатор выиграл на выборах. Поэтому держись от него как можно дальше. Ты еще не видела сенатора О'Ши?

Триш смотрела, как над чашкой кофе вьется пар. Что бы подумала эта милая, прямая женщина, если бы узнала об истинных причинах ее появления в офисе?

– Да в общем-то видела. Я познакомилась с Редом еще в колледже. Приехав сюда, я позвонила ему и попросила помочь мне найти работу. Он предложил место в своем офисе. Конечно, я очень обрадовалась, ибо следила за его карьерой несколько лет. Уверена, он будет прекрасным президентом. – Щеки Триш горели от смущения. Она надеялась, что Милли не заметила этого.

– Ага, я понимаю, что ты имеешь в виду. А вот меня волнует судьба мира. В шестидесятых я не сомневалась, что у нас уже есть ответы на все вопросы. Мы, молодежь нации, объединимся в любви и гармонии, положим конец войне. Но получилось не так, как мы ожидали. Однако... в общем, мне нравится Ред О'Ши. Он порядочен и очень умен. Мы не всегда сходимся во мнениях, но сенатор никогда не занимает позицию, которую я назвала бы аморальной. И тем не менее порой я спрашиваю себя: «Милли Бартон, какого черта ты делаешь в избирательной кампании республиканца, который десять лет был офицером в армии?» Но я все же верю в него, так почему же мне возражать против того, что он считает правильным? Ну, хватит... Расскажи о себе.

Триш надеялась, что ей удастся обойтись уклончивым ответом, но вопрос был задан слишком прямо.

– О, мне почти не о чем рассказывать. Просто я хотела пожить немного в Нью-Йорке и однажды поняла, что вовсе не молодею и если не отправлюсь в этот город сейчас, то не поеду уже никогда. И вот я здесь.

– Нашла жилье? – спросила Милли.

– Пока я остановилась в дешевом отеле, маленьком и не очень приятном. Если мне здесь понравится и я решу остаться, то поищу что-нибудь более приемлемое.

– Может, надумаешь снимать квартиру с кем-нибудь пополам, имей в виду: у меня есть приличное место в Ист-Сайде. Я бы с удовольствием пошла на это.

– Очень мило с твоей стороны, но мне еще рано принимать такие решения. Я, конечно, не отказываюсь, но мне нужно время.

Перекусив и выпив кофе, женщины вернулись в офис. Триш размышляла: что подумала бы Милли, узнав, что она намерена затащить Реда О'Ши в свою постель?

Глава 12

МИСТИФИКАЦИЯ

Впервые за последние недели Ванесса спала долго и крепко, несмотря на жесткий матрас. Проснувшись, она почувствовала себя свежей и отдохнувшей. Ее ободряло сознание того, что она решилась на авантюру, связанную с большим риском. В девять часов Ванесса встала с кровати и прошла в ванную. Нижнее белье, выстиранное вчера вечером, было еще влажным, поэтому она завернула его в полотенце и положила на батарею.

Вид светлых волос в зеркале испугал Ванессу. Да, ей следовало сделать прическу, изменить оттенок волос и купить себе новую одежду. Она посмотрела из окна на Шестую авеню, подумала, куда бы пойти, чтобы избежать встречи с кем-нибудь из знакомых, и остановилась на магазине Мейси, где никогда еще не делала покупок. Однако это большой магазин, и, возможно, там даже есть салон красоты. Вскоре она уже направлялась к стоянке такси.

В салоне у Мейси Ванессу записали на прием, и оставшиеся до этого полчаса она провела в буфете.

В салоне красоты ей еще больше осветлили волосы, придав им искусственный пепельный оттенок, и уложили их нимбом вокруг головы, от чего Ванесса заметно помолодела. Оплачивая счет, Ванесса удивилась низкой цене и дала мастеру двадцать долларов, за что потом мысленно выругала себя. Домохозяйка из среднего класса никогда не дала бы парикмахеру таких чаевых.

Потом Ванесса обновила свой гардероб, предпочтя дорогой одежде более дешевую от Лиз Клайбернс и Эвана Пиконе. Она отметила, что некоторые вещи выглядят вполне прилично, несмотря на невысокие цены, и удивилась, поняв, что теперь, став блондинкой, может носить темные цвета – коричневый и зеленый. Позже Ванесса купила удобные туфли, ботинки для дождливой, холодной погоды и чемодан для новых вещей.

Доехав до отеля на такси, она попросила швейцара отнести чемодан в номер, а сама отправилась перекусить в маленький ресторанчик и заказала большую порцию овощного салата. Поев, Ванесса вышла на улицу и вскоре миновала соблазнительный бар, подавив желание немного выпить для храбрости. По многолетнему опыту Ванесса знала, что после одного бокала не сможет остановиться, и это положит конец ее действиям. Она подняла руку, и через десять минут машина довезла ее до офиса Реда О'Ши.

Ванессу встретила Милли Бартон.

– Привет, не могу ли вам чем-нибудь помочь?

– Не знаю. Я просто... подумала... не нужны ли вам добровольцы?

– Это волшебное слово, мадам. Нам всегда нужны добровольцы. Вы живете здесь, на Манхэттене?

– Да, временно. Видите ли, моего мужа перевели сюда из Сиэтла. Я продала дом, упаковала вещи, но не успела перебраться сюда, как его отправили на два месяца в Саудовскую Аравию, а мне поехать с ним не разрешили. – Ванесса наслаждалась своей историей. Она всегда любила мистификации и весьма преуспела в них.

– О, вот это переделка! – с сочувствием воскликнула Милли. – Где вы остановились?

– У меня очень милый номер в «Мейбл-отеле». За него платит компания. Сейчас нет смысла искать что-то постоянное, поскольку мой муж надеется, что после его возвращения мы поедем на Аляску.

– На Аляску? Чем же занимается ваш муж? – удивилась Милли.

– Он геолог. Ищет нефть. – Ванесса гордо улыбнулась. Хорошая жена всегда гордится работой мужа. Она поразилась собственной отваге.

– Так вы хотите чем-нибудь заняться в его отсутствие? А если это вам не понравится? Добровольцев всегда не хватает в больницах.

– О нет. Ненавижу больницы. Они вызывают у меня депрессию. Мне нравится политика. Я несколько раз работала на предвыборных опросах. Думаю, сенатор О’Ши будет отличным президентом. Он такой симпатичный.

Когда Милли поняла, что эта милая, но наивная леди решила помочь сенатору только потому, что он будет хорошо смотреться в Белом доме, выражение ее лица почти не изменилось.

– Кстати, он еще и умен. А чем именно вы могли бы заниматься?

– К сожалению, у меня нет опыта работы секретаря. Печатаю я неважно, но готова напечатывать конверты или делать что-нибудь в этом роде. Я без амбиций.

Милли засмеялась:

– Да, вы уникальны. В основном люди, приходящие с улицы, хотят начать работу с составления речей. А как насчет просьб?

– Просьб?

– Да, обращение к людям по телефону. Видите ли, мы проводим кампанию среди жителей, пытаемся получить как можно больше пожертвований от среднего класса. Если вам удастся убедить граждан вложить деньги в кандидата, они с большей охотой пойдут на выборы и проголосуют за него.

– Разумная мысль. – Ванесса изобразила глубокий интерес.

– Это азбука. – Милли старалась не выказать пренебрежения.

– Нет ли у вас материалов, которые я могла бы прочитать, чтобы понять что к чему? Вдруг кто-то захочет узнать, какую позицию занимает сенатор?

– Пойдемте присядем. Кстати, как вас зовут?

– Миссис Джон Фицджералд, но, пожалуйста, зовите меня Энн.

– Рада знакомству, Энн. Я Милли Бартон. Кофейник в маленькой комнате. Обслуживайте себя сами, но если выпьете последнюю чашку, вскипятите воду. Туалеты – вон там. Рабочий день заканчивается в пять, но у добровольцев свободный график.

– Когда начинается работа?

– Обычно в восемь... восемь тридцать.

– Хорошо, я тоже буду приходить в это время. Мне хочется работать, как и другие.

– Невероятно! Тогда я покажу вам стол, который будет вашим, о’кей?

– О, как здорово! Собственный стол!

– Вам легко доставить удовольствие. Как насчет этого, возле окна? Джо любит, чтобы симпатичные дамы сидели перед его глазами.

– Кто такой Джо?

– Джо Франклин, правая рука сенатора. Он, вероятно, вернется к утру. Сегодня они с сенатором в Вашингтоне, но Джо здесь ждут дела. – Милли помолчала, потом вдруг спросила:

– Что вы думаете о Джоанни Кокос?

– Что? – растерялась Ванесса. Милли улыбнулась.

– Ничего. Просто шутка.

– Понимаю. Ну, думаю, я могу начинать. Ванесса села за стол, и Милли дала ей копии речей Реда, вырезки из газет и статьи. Ванесса пришла в восторг. Она искала информацию о кандидате в президенты, и теперь все необходимое лежало перед ней.

Только в пять, закончив читать материалы, Ванесса попрощалась с Милли и пообещала вернуться утром.

Поскольку наступил час пик и найти такси было почти невозможно, Ванесса медленно направилась к отелю. Проходя мимо русской чайной, она испытала сильное искушение зайти

выпить водки и закусить кулебякой, но не посмела, опасаясь встретить знакомых. Лучше найти недорогое местечко, куда людей ее круга можно затащить только мертвыми.

Миновав нескольких подобных мест, Ванесса не смогла заставить себя войти. Там было многолюдно и неуютно. Около отеля ее осенила прекрасная мысль. Она купила в магазине дорогую бутылку «Монтраша», принесла ее в номер, позвонила и заказала обед. Отец всегда говорил, что бутылка хорошего вина скрашивает любую пищу. И, видит Бог, здешние обеды очень нуждались в этом.

Глава 13

ФАРС

Следующие два дня прошли для Триш быстро. Милли оказала ей огромную помощь, познакомив с рутинной работой в офисе. Джо Франклин с его изучающим взглядом появлялся редко.

В основном сотрудников нанимал Джо, и они относились к нему лояльно. Милли посоветовала Триш не говорить им то, что не предназначено для ушей Реда. Серьезные и трудолюбивые сотрудники постоянно занимали телефоны, пытаясь получить пожертвования или составляя расписание мероприятий. Триш особенно заинтересовалась литературой избирательной кампании. Что-то насторожило ее, и она спросила у Милли, кто составлял тексты.

– У нас есть несколько консультантов-профессионалов, которые работают над созданием имиджа и атрибутики. А что?

Триш пожала плечами.

– Не знаю. По-моему, как раз атрибутика кампании оставляет желать лучшего. На Реда могло бы работать многое, а все это выглядит сухим и неинтересным.

– Скучным?

– Да.

– У тебя есть какие-то идеи? Уверена, тебя охотно выслушают.

Триш покачала головой.

– Что я могу предложить специалистам?

– Хочешь знать мое мнение? Время специалистов прошло.

Триш улыбнулась точному наблюдению Милли и порадовалась тому, что нашла себе такую подругу.

Рано утром в субботу Ред позвонил Триш и сообщил ей о своем возвращении. Вечером они должны были встретиться. Несмотря на предсказания синоптиков, обещавших ранний снегопад, настроение Триш поднялось.

Большую часть дня она провела в своем номере. Теснота начала раздражать Триш, и она начала подумывать, не принять ли предложение Милли. Однако сначала решила посмотреть, как пойдут ее дела с Редом. Вполне возможно, что это приключение на один вечер. Ведь его окружает множество людей, а среди них немало женщин. Что она может предложить ему? Захочет ли Ред установить с ней тесные отношения? Правда, она напоминает ему о молодости, но не осквернит ли это воспоминание ее теперешний облик?

Отбросив сомнения, Триш занялась подготовкой к важному событию: вымыла голову, сделала маникюр, педикюр, удалила волосы с ног, напудрилась, подкрасила лицо и оценивающе разглядывала в зеркале результаты своих трудов, когда позвонил портье.

– Мисс Делани, за вами пришла машина, – сообщил он.

Триш бросила еще один взгляд в зеркало,хватила с собой новый жакет и устремилась навстречу событию, которое за последние двадцать лет представляла себе тысячу раз. Оправдает ли реальность ее ожидания?

Она сразу поняла, что надежды ее обмануты, увидев вместо шофера язвительно улыбающегося Джо Франклина. Удивление Триш мгновенно сменилось раздражением:

– Джо! Что вы здесь делаете? Где шофер Реда? Взяв Триш за локоть, он повел ее к автомобилю.

– Поговорим об этом в машине. Маленькая, неприглядная «тойота» Джо стояла перед входом в отель. Взглянув на нее, Триш поняла, что почувствовала Золушка, когда ее новая карета превратилась в тыкву. О горе, и для этого она потратила целое состояние на одежду!

– Куда мы едем? – спросила Триш, садясь в неопрятный седан, забитый литературой избирательной кампании.

– Вы встретитесь с сенатором на обеде у Лютика, Триш, но я буду с вами. Для публики и прессы вы со мной, а не с Редом. Не думаете же вы, что можете появляться с ним на людях?

Триш огорчилась и впервые почувствовала грязь тайных отношений. Где же трепет встречи?

– Не говорите только, что Ред придет с женой, – злобно сказала она.

Джо усмехнулся.

– Ха, вам не стоит из-за этого беспокоиться. Появления Глории строго запланированы, причем только для особых случаев. Они с Редом никогда не обедают вдвоем. Я бы с удовольствием послал их к черту. Признаюсь, мне очень нелегко поддерживать его имидж преданного мужа.

– Подозреваю, что вы собираетесь провести с нами весь вечер. Я права?

– Ну, не весь вечер... а только пока вы будете на глазах у публики. Когда вы... уединитесь, я оставлю вас.

Саркастический тон Джо взбесил Триш. Почувствовав себя кем-то вроде дешевой проститутки, она насмешливо спросила:

– Скажите, Джо, давно ли вы сводничаете для сенатора?

Услышав злобу в его голосе, Триш поняла, что попала в цель.

– Послушайте, мисс Делани, это не моя идея.

Я просто добросовестно выполняю свою работу и не могу подорвать веру людей в то, что политики спят лишь со своими женами. Сам я не считаю, что Реда нужно оштрафовать, если он женился не на той женщине. Плохо, что он не избавился от нее несколько лет назад, а сейчас это уже невозможно. Я считаю его лучшим из тех, на кого можно работать... Никто даже рядом с ним не стоит... И если мне приходится делать ради него что-то не совсем приятное, я умею подавлять свои эмоции. Надеюсь, вы тоже. Не знаю, где он нашел вас, но помните: в мире нет ничего вечного, ясно?

– Не думаю, что я должна с кем-нибудь обсуждать свои отношения с Редом, но, к вашему сведению, Джо, мы дружили двадцать лет назад. Мы вместе росли, ходили в один колледж, и наши родители были друзьями.

Возникло напряженное молчание. Когда они подъехали к ресторану, швейцар открыл дверь и помог Триш выйти из машины.

Джо взял ее за руку и повел ко входу, сухо бросив:

– Учтите, Ред уже не тот человек, каким был двадцать лет назад. Он собирается стать мировым лидером.

К Триш и Джо с улыбкой подошла элегантная женщина.

– Добрый вечер, мистер Франклин. Столик сенатора накрыт. Я провожу вас.

Они прошли по узкому коридору, через передний дворик в маленький уютный зал, а затем оказались в волшебном саду и сели в глубокие плетеные кресла под сводом стеклянной крыши. Их столик, накрытый белой скатертью, блестел хрусталем и серебром. Это было тихое, прекрасное место, и Триш страстно захотелось, чтобы Джо испарился в прозрачном воздухе и оставил ее одну.

Столик был накрыт на троих, но Ред еще не приехал. К Джо подошел метрдотель и вручил ему записку. Тот быстро прочитал ее, затем передал своей спутнице.

– Вот, прочитайте, тогда поймете, что происходит.

Триш смутилась. Это был список имен, под каждым из которых стояли номер и время. Некоторые имена, такие, как Мэри Тайлер Мур и писатель Фред Мастард Стюарт, оказались знакомыми, но большинство – нет.

– Что это значит?

– Это список зарезервированных столиков и людей, которые будут сидеть за ними. Реду всегда нужно знать, кто его окружает. Спонсоры и сторонники кандидата не любят оставаться анонимами для того, на кого они раскошеляются.

– Здесь есть кто-нибудь, кто попадает под эту категорию?

– Насколько я знаю, нет, но никогда нельзя сказать наверняка. Они могут прийти сюда как чьи-то гости. Не беспокойтесь, у меня отличная память на лица и имена. К тому же это моя единственная обязанность на сегодняшний вечер, не считая того, что я должен получить удовольствие от блюд и вина. Я отлично умею становиться невидимым. Имел большую практику, пока работал на своего крикливого босса. – Джо самодовольно улыбнулся и, прищурившись, посмотрел на Триш. Она возненавидела его. Очевидно, Джо хотел унижить ее, давая понять, что она всего лишь одна из многих.

– Скажите, Джо, вы вертитесь возле него в надежде доесть за ним объедки? – съязвила Триш.

Едва официант открыл бутылку вина, как в дверях появился Ред и направился к ним, кивая и улыбаясь другим посетителям. Он излучал особую энергию, привлекающую внимание зала. Все повернули головы, чтобы взглянуть на него.

Джо поднялся, приветствуя шефа. Они пожали друг другу руки. Перед тем как сесть, Ред наклонился и невинно поцеловал Триш в щеку. Она вспыхнула при его появлении, и мучительные сомнения исчезли. Триш была рада, что пришла сюда.

– Ты прекрасно выглядишь, Триш. Не возражаешь, если сначала мы с Джо поговорим о деле? – Не дождавшись ее ответа, Ред обратился к своему менеджеру: – Джо, мы должны составить расписание завтрашнего митинга. Из дела Стеллано произошла утечка.

Джо выглядел удивленным и озабоченным.

– Я знал, что это все-таки свалится на нас. Нам не стоило брать те деньги.

– Хорошо еще, что мы быстро отдали их, – ответил Ред.

– Сэм Фултон втянул тебя в это. Его поддержка больше нам в пассив, чем в актив.

– Разве я не знаю? Его имидж доброго малого не очень гармонирует с моим.

– Да, но давай посмотрим на вещи прямо. Именно этот «добрый малый» пришел с деньгами. Может, мне сейчас сесть на телефон и все уладить, пока кто-нибудь не начал давать интервью прессе? – Джо встал и с ехидной улыбкой сказал Триш: – Надеюсь, вы извините, если я ненадолго удалюсь? Я позвоню из кабинета.

Он достал из внутреннего кармана пиджака маленький блокнот и ручку, положил их на стол перед Триш и ушел.

– Для чего это? Я должна делать заметки? – спросила она Реда.

– Это для отвода глаз. Если какой-нибудь газетчик начнет шляться поблизости, наша встреча будет выглядеть деловой. Кроме того, ты ведь теперь зачислена в мой штат.

– Ред, знаешь, как угнетает этот фарс?

Он опустил руку под стол и слегка коснулся ее колена.

– Не считай это фарсом, Триш. Все подобные увертки – не моя идея, но я понимаю причину. Кроме того, они помогают сохранять наши личные отношения, а иметь их совсем неплохо, особенно когда все остальное в твоей жизни – достояние публики.

Она нежно улыбнулась, и тепло его пальцев, проникающее сквозь шелк платья, лишь усилило ее голод по нему.

– Смешно, но, когда ты рядом, наша молодость будто возвращается. Мы те же, что и прежде. Но, расставшись, становимся другими. Ты – надежда Запада, а я... никто.

– Возьми ручку и записывай. Я хочу, чтобы ты сделала это, – строго приказал Ред.

Триш заколебалась, но, увидев его серьезное лицо, подчинилась.

– Каждый человек – личность. Запиши это и запомни навсегда. Это ключ к успеху моей политики... и жизни. Я верю, что важна судьба каждого. В этой стране мы не бросаем людей. А теперь сделаем заказ. Не хочу тратить целый вечер и сидеть здесь, не имея возможности прикоснуться к тебе.

Триш затрепетала, взволнованная вниманием Реда. Ей казалось, будто она осталась наедине с ним и вокруг никого нет. Но к столику вернулся Джо, и разговор о политике возобновился. Однако Триш была поглощена своими фантазиями. Воплотятся ли они в жизнь?

Глава 14

ЖЕНЩИНА «С ИЗЮМИНКОЙ»

Дэн просидел в своем офисе почти четыре часа. Он сделал бесчисленное количество телефонных звонков, подписал несколько комплектов бумаг с проектами, но ничего не запомнил, потому что все время думал о Кейк. Смешно, но он не мог вспомнить, когда жена занимала его мысли так, как сейчас.

Если бы кто-нибудь неделю назад сказал ему, что он будет чувствовать такую опустошенность из-за ее отсутствия, Дэн поднял бы этого человека на смех. За последние годы, с тех пор как фирма получила первый по-настоящему большой контракт для госпиталя военно-морского флота, Дэн воспринимал жену как привычный атрибут жизни, и только. Она содержала в порядке дом, одежду, детей, готовила обеды, развлекала, а иногда даже занималась с ним любовью. Если Дэн и думал о ней, то обычно с раздражением. Как бы Кейк ни старалась, облик аккуратной, холеной женщины «с изюминкой» был недостижим для нее. Его секретарша Селена располагала ничтожными деньгами по сравнению с Кейк, однако всегда выглядела нарядной и красивой.

Подняв глаза, Дэн увидел Селену. Она стояла на пороге и смотрела на него.

– Легка на помине, – почти беззвучно пробормотал он и жестом пригласил ее войти.

Дэн следил за ее медленными, плавными движениями. Несмотря на невысокий рост, у Селены были длинные ноги, а двигалась она с грацией танцовщицы. «Нет, не совсем как танцовщица», – подумал Дэн. Селена двигалась с той естественной легкостью, с какой животные подкрадываются к жертве.

Ее темные волосы были гладко зачесаны назад и собраны на затылке в тугой пучок. Строгая прическа подчеркивала очарование больших черных глаз, которые казались еще больше благодаря темным теням и сильно накрашенным ресницам. Единственными украшениями Селены были крошечные бриллиантовые сережки, подаренные ей Дэном в день рождения, и золотые часики «Картье», которые он купил ей, когда они в первый раз занимались любовью.

– Садись сюда, – кивнул Дэн.

Селена скользнула по толстому коричневому ковру и устроилась в кожаном кресле напротив стола. Она относилась к редкому типу женщин, способных молча ждать, когда собеседник отвлечется от важных мыслей, и всегда была очень собрана. Молчание не раздражало ее. Наконец Дэн взглянул на часы.

– О Боже, седьмой час! Почему ты не сказала мне, что уже так поздно?

– Я заглядывала к тебе несколько раз, но ты так задумался, что я не решилась тебя тревожить. Уход Кейк действительно огорчает тебя, да?

Он молча поднялся, подошел к окну и стал смотреть на город. Офис находился на верхнем этаже самого высокого здания в Сенчери-Сити, и вид из него открывался захватывающий, особенно в ясный вечер. Когда Дэн въезжал в этот роскошный и дорогой офис, он чувствовал, что наконец достиг вершины. Если Дэн бывал встревожен или угнетен, вид из окон всегда помогал ему, напоминая о том, сколь многого он добился. В этом офисе Дэну казалось, будто он может прикасаться к звездам.

Селена внимательно следила за шефом. Неужели она просчиталась? Неужели проявила неуместное нетерпение? Здесь нужно быть очень осторожной. Она должна исподволь убедить шефа, что уход жены даже облегчит ему жизнь. Однако была уязвлена гордость Дэна, и Селена понимала, что нужно немного отвлечь его.

– Иди домой, Селена. Я скоро приду.

Она колебалась. Если сейчас отправиться домой без него, он может передумать и не зайти. Судя по всему, Дэн не был расположен заниматься любовью, но ей следовало подтолкнуть его к этому.

– Пожалуй, я приготовлю нам выпить... Может, это немного отвлечет тебя.

Не дожидаясь ответа, Селена подошла к буфету, в котором находились бар, бокалы и маленький холодильник. Быстро, пока Дэн не отказался, она положила в два тяжелых хрустальных бокала кубики льда, плеснула туда по изрядной порции «Чивас Ригел» и протянула один ему.

Он взял бокал и молча приподнял его. Селена поймала его взгляд.

– За нас, – поспешно сказала она, чокнувшись с Дэном и сделала большой глоток.

Он последовал ее примеру.

Селена взяла Дэна за руку и отвела его от окна.

– Пойдем. Сядем на диван и немного расслабимся. Все ушли. Я заперла двери в коридор, и нам некуда торопиться. Давай немного посидим и поговорим.

Он понимал, что им манипулируют, но не видел причин сопротивляться. Когда они опустились на диван, Селена прижалась к Дэну всем телом.

– Наверное, Кейк сошла с ума, Дэн. Ни одна женщина в здравом уме не ушла бы от такого хорошего мужа, как ты. Она никогда по-настоящему не ценила тебя.

Дэн сделал большой глоток, и напиток согрел его. Он вдруг ощутил мускусный, чувственный запах духов Селены. Как он отличался от чистого, естественного аромата Кейк! Она вообще пренебрегала парфюмерией, даже той, которая не имела запаха. Дэн глубоко вздохнул и закрыл глаза. Странно, но ему нравился запах обеих женщин.

Селена прижалась к нему еще крепче, положила голову на плечо. Она вытащила шпильки, и волосы свободно упали и ей на плечи. Приблизив губы к лицу Дэна, Селена не поцеловала его, а мягко провела кончиком языка по его губам. Обычно это возбуждало Дэна, но сейчас оставило равнодушным.

Селена поняла, что нужно проявить осторожность. Он думал о своей жене, и любая настойчивость может сейчас отпугнуть его. Однако Селена не слишком тревожилась. Если в чем-то она и была искусна, так это в обольщении. Видит Бог, она имела большой опыт.

Двигаясь осторожно и легко, Селена прикоснулась кончиком языка к векам Дэна, к носу, к щекам, снова к губам, к ушам. В это время ее рука медленно переместилась к его паху. Селена ловко расстегнула ремень Дэна, неторопливо распустила молнию и сунула пальцы к пенису.

Дэн издал глубокий вздох, но не пошевелился. После определенного периода жизни, когда агрессию проявлял он, с Селеной Дэн постиг радость пассивной роли, восхитительную радость. Он почувствовал напряжение в паху, но Селена уже научила его, что сдержанность приносит более интенсивное и полное удовлетворение. Она медленно гладила и ласкала его пальцами, а через несколько секунд опустила голову и взяла пенис в рот. Наслаждение, которое давали ему движения ее языка вверх, вниз и вокруг, было почти невыносимым. Почувствовав, что Дэн приближается к оргазму, Селена подняла лицо и прошептала:

– Нет, еще нет.

Движимый желанием, Дэн прижал ее к себе, но она отпрянула от него.

– Нет, расслабься. Позволь мне сделать все самой. – Селена заставила Дэна лечь, сняла с него брюки, затем сбросила с себя длинную шерстяную юбку и встала перед ним в одной лишь шелковой блузке и сапожках.

Опустившись на колени, она снова взяла в рот пенис Дэна, но на этот раз ненадолго. Несколько секунд спустя Селена взобралась на него и опустила своим влажным, бархатным влагалищем на его твердый член. Дэн стал автоматически двигаться, желая испытать облегчение, но она предостерегла его:

– Лежи спокойно.

Когда он расслабился, Селена начала медленно и ритмично двигаться вверх-вниз. Трение их тел друг о друга создало особую энергию, которая в конце концов привела обоих к кульминации.

После того как Дэн в последний раз дернулся в порыве желания, Селена расслабилась и обмякла. Она, как всегда, держала его внутри себя до тех пор, пока пенис не потерял твердость.

– Ты великолепна, – прошептал Дэн, глядя волосы Селены.

– Ты был потрясающим, – отозвалась она. – Ты так долго сдерживался. Если бы тебе это не удалось, было бы не так хорошо.

– Удивительно, как совершенен твой расчет. Каждый раз мы делаем это и приходим к одному и тому же моменту. Почти чудо.

– Я знаю. До тебя со мной ничего подобного не происходило, – ответила Селена, прижимаясь лицом к шее Дэна и думая об уроках, полученных от матери.

«Если хочешь по-настоящему удовлетворить мужчину, – говорила Джинни, – всегда испытывай для него оргазм. Они больше горды оргазмами, которые дают, чем теми, которые получают. Если не можешь испытать настоящий оргазм, притворись. Они никогда не догадываются. Вот чем снабдил нас Господь вместо встающего члена».

Глава 15

ЭТО БОЛЬШОЙ ГОРОД

Ричард Теран стоял у окна в офисе Милтона Вайса и смотрел на улицу. По Бродвею двигались толпы людей. Ричард перевел взгляд на пыльное оконное стекло с прикрепленной провололочкой сигнализации.

– Милт, тебе нужен новый офис, – заметил он, пытаясь избежать разговора об истинной причине их встречи.

Человек, сидевший напротив него, откинулся на спинку скрипучего кресла и с улыбкой поднес к губам сигару.

– Не похож на старое гнездышко, верно, Рич?

– Нет, конечно. Чем ты тут занимаешься?

– Сейчас у меня всего лишь несколько клиентов, дружище, и они не приходят ко мне. Я езжу к ним. Мне больше не нужны ни модный офис, ни большой штат сотрудников. Но я делаю деньги. Большие деньги. Кроме того, мне нравятся маленькие габариты.

– На кого ты работаешь, Милт? Коренастый седой мужчина улыбнулся и покачал головой.

– Некорректный вопрос. Ты хочешь, чтобы я продолжил наш разговор?

Ричард кивнул. Он всегда считал, что слушать важнее, чем говорить.

– Ты должен понять, что у меня в этом деле нет никакого интереса. Никакого. Я просто делаю это ради тебя и понятия не имею, почему мой клиент хочет заплатить так много. И он платит. Кроме тебя, у меня нет человека, которому я мог бы доверять.

– Похоже, что тут работа для полиции, а не для такого старого адвоката, как я, – возразил Ричард.

– Не пытайся поймать меня на этом известном трюке. Ты самый ловкий стряпчий по темным делам в Соединенных Штатах. Знаешь, мне говорили, будто ты, находясь в комнате, где ведутся четыре разные беседы одновременно, можешь быть в курсе каждой. Это правда?

– Лесть. Дело обстоит не совсем так. Я слышу одновременно две беседы. Теперь скажи, Милт, почему они хотят нанять именно меня?

– Моему клиенту очень важно, чтобы все хранилось в тайне. Исчезла дочь Майка Феллона. Ее хотят найти как можно быстрее.

– Наверное, ты знаешь все зланные уголки этого города лучше, чем я. Почему, черт побери, им нужен я?

Вайс посмотрел на Ричарда из-под тяжелых век:

– Наверняка не знаю, но могу предположить.

– Предположи, пожалуйста.

– У тебя большие связи. Ты знаешь многих людей – как политиков, так и тех, кто имеет неподмоченную репутацию. Подозреваю, что эта птичка располагает чем-то, чего ей не стоило бы иметь. Возможно, информацией... и они хотят вернуть ее... быстро. Пока никто не узнал, что она сбежала.

– Милт, черт побери, кто такие «они»?

– Этого я не могу тебе сказать. Ты же знаешь, я бы открылся, если бы мог... но права клиента и все такое прочее. Я все еще придерживаюсь этических норм, Рич.

– Не думаю, что наша беседа сегодня состоялась. Мой ответ – нет. Я слишком стар и богат, чтобы носиться повсюду и искать сбежавшую женщину. Кроме того, я по уши увяз в деле по скрытию налогов, за которое взялся для Билли Томаса. На этот раз инспекция здорово пригвоздила его. Не знаю, что с ним случилось. Я всегда предупреждал эту задницу играть

честно, но обман у него в крови. Деньги от той телевизионной программы валятся на него, но ему все мало.

– Это уже проще. – Вайс откашлялся. – Тебе больше незачем беспокоиться о Билли. Он нанял другую фирму, чтобы разобраться с правительством, и бросил борьбу. Харви Дэлтон собирается вести переговоры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.